

ISSN 2409-3793

9 772409 379001

2 4 0 0 2

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага

ўніверсітэта

імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя D. ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

Выходзіць два разы ў год

2 (64)
2024

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (нам. галоўнага рэдактара,
старшыня рэдакцыйнага савета серыі D)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (нам. галоўнага рэдактара)
канд. гіст. навук А. І. Галавач (адказны сакратар)

Эканоміка:

д-р экан. навук прафесар А. Р. Ефіменка (Магілёў)
д-р экан. навук прафесар Л. У. Пакуш (Горкі)
д-р экан. навук прафесар Г. А. Шмарлоўская (Мінск)
канд. экан. навук дацэнт Т. Ф. Балашова (Магілёў)
канд. экан. навук дацэнт Н. А. Асіпенка (Магілёў)

Сацыялогія:

д-р сацыял. навук М. Ю. Смірноў (Санкт-Пецярбург)
д-р сацыял. навук прафесар Н. М. Беяковіч (Мінск)
д-р сацыял. навук дацэнт М. Я. Ліхачоў (Магілёў)
канд. сацыял. навук дацэнт С. М. Ліхачова (Магілёў)

Права:

д-р юрыд. навук прафесар В. Б. Шабанаў (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар В. М. Бібіла (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар А. Г. Цікавенка (Мінск)
канд. юрыд. навук дацэнт Л. Ф. Лазуціна (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А. І. Пліско (Магілёў)
канд. юрыд. навук Т. А. Корань (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series D. ECONOMICS, SOCIOLOGY, LAW

Published twice per year

**2 (64)
2024**

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor
Makovskaya N. V., Deputy Chief Editor, Chairman of the Editorial Committee (Series D),
Doctor of Economic Sciences, Professor
Riyer Y. G., Deputy Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor
Golovach E. I., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

Economics:

Yefimenko A. G., Doctor of Economic Sciences, Professor (Mogilev)
Pakush L. V., Doctor of Economic Sciences, Professor (Gorky)
Shmarlouskaya G. A., Doctor of Economic Sciences, Professor (Minsk)
Balashova T. F., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Asipenka N. A., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Sociology:

Smirnov M. Y., Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg)
Belyakovich N. N., Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk)
Lihachev N. G., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor (Mogilev)
Lihacheva S. N., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Law:

Shabanov V. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Bibilo V. N., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Tikovenko A. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Lazutsina L. F., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Plisko A. I., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Koran T. A., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

МАКОВСКАЯ Н. В. Инклюзивная занятость: понятие, сущность, подходы	7
РОМАНЬКОВА Т. В. Методические подходы к оценке регионального управления транспортной системой	15
ОСИПЕНКО Н. А., ГАЛКИНА Е. Г. Роль и место регламентации труда в системе управления деятельностью предприятия	22
ЯЦЕВИЧ Н. В. Содержание категории предпринимательства: обзор исследований российских ученых	27
МАРТИЩЕНКОВА Е. В., ЩУРОК Э. М. Престижность научной деятельности в оценках представителей академического сообщества.....	34
СОЛДАТЕНКО И. Г. Перспективы формирования медицинских кластеров в конкретных социально-экономических условиях.....	43
ЛИРА Н. М. Экстремизм как деструктивный феномен социальной жизни	49
КОРЕНЬ Т. А. Классификация судебных дел в сфере несостоятельности и банкротства.....	55
СЛЯПЦОЎ А. В. Правая ахова нетраў як складовая частка аховы навакольнага асяроддзя	61
ДАРМЕНОВ А. Д. Анализ теории принципов и практики их классификации и систематизации: уголовно-правовой и уголовно-процессуальные аспекты	67
РЫЖАНКОВ А. Ю. Социальная и криминологическая обусловленность уголовной ответственности за служебную халатность	73
ЛУЦЕВИЧ Ж. А. Особенности правовой регламентации статуса таможенных органов Республики Беларусь	79

C O N T E N T S

MAKOVSKAYA N. V. Inclusive Employment: Concept, Essence, Approaches	7
ROMANKOVA T. V. Methodological Approaches to the Assessment of Regional Transportation System Management	15
OSIPENKO N. A., GALKINA E. G. The Role and Place of Labor Regulation in the Enterprise Management System	22
YATSEVICH N. V. Content of the Entrepreneurship Category: Review of the Russian Scholars' Research	27
MARTYSHCHANKAVA A. V., SHCHUROK E. M. Prestige of Scientific Activity in the Assessments of the Scientific Community Members	34
SOLDATENKO I. G. Prospects for the Formation of Medical Clusters in Specific Socio-Economic Conditions	43
LIRA N. M. Extremism as a Destructive Phenomenon of Social Life	49
KOREN T. A. Classification of Court Cases in the Field of Insolvency and Bankruptcy	55
SLEPTCOV A. V. Legal Protection of Subsoil as Part of Nature Protection	61
DARMENOV A. D. Analysis of the Theory of Principles and Practice of Their Classification and Systematization: Criminal Law and Criminal Procedure Aspects	67
RYZHANKOU A. Yu. Social and Criminological Conditions of Criminal Liability for Official Negligence	73
LUTSEVICH Zh. A. Peculiarities of Legal Regulation of the Customs Status in the Republic of Belarus.....	79

ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

УДК 349.2

ИНКЛЮЗИВНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ПОДХОДЫ¹

Н. В. Маковская

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики и управления
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье представлены новые для отечественной экономической науки подходы к пониманию инклюзивной занятости. Обоснованы теоретико-методологические основы инклюзивной занятости как целостной системы, направленной на социальную поддержку, адаптацию и развитие работников с ограниченными возможностями. Инклюзивная занятость представлена как организация совместной трудовой деятельности с включением работников с ограниченными возможностями в конкретные производственные процессы.

Ключевые слова: инклюзивная занятость, работник с ограниченными возможностями, социальная поддержка, инклюзивная среда, инклюзивное рабочее место.

Введение

Методология научных подходов к исследованию понятия «инклюзия» и инклюзивных процессов исходит прежде всего из основ социальной философии, и ее инструментарий используется в теории инклюзии. Элементы социальной философии, такие как интегральное конструирование «включающего» общества, позволяют сформулировать ряд базисных положений, включающих понятийный аппарат, принципы построения социальных структур для инклюзивного социума и т. п. Для исследования инклюзивного социума важна теория, которая обоснует способы, принципы и особенности включенности и приспособления работников в такую среду. Теория позволит сформировать подходы к определению стабильности инклюзивного социума, порядка и определенности в нем, алгоритму трансформации и приспособления к изменяющейся среде. В целом существует необходимость формирования концептуальных подходов к понятию «социальное инклюзивное пространство», которое станет основой для определения инклюзивного пространства в трудовой сфере [1]. Понятно, что это будет специфическое пространство для конкретной определенной группы людей с особыми потребностями, которые определены их ограниченными возможностями.

Методологические основы инклюзивной занятости

Методология инклюзивной занятости представляет собой синтез антропологической, феноменологической философии, интерактивной и общей психологии, конфликтологии и социальной педагогики. Становление методологических основ инклюзии в трудовой сфере берет начало в конфликтологии, психологии и социальной педагогике. При этом эти научные направления широко используют результаты зарубежных исследований теоретико-методологических основ инклюзии. Базовым вариантом интерпретации категории «инклюзия», которая может быть приемлема и для сферы труда, являются идеи нормализации жизни Б. Нирье, критерии формирования инклюзивной культуры Т. Бута и М. Эйнскоу [2].

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, грант «Ученый», договор № Г22У-008 от 04.05.2022.

В целом в отечественной науке в области инклюзии существует определенный дефицит научных изысканий, связанных с механизмами формирования и реализации инклюзивной среды в социально-экономической сфере. В этой связи *целью данной статьи* является выявление и раскрытие социально-экономической сущности базовых понятий, имеющих отношение к трудовой инклюзии, определение сущности инклюзивной занятости.

Методология инклюзивного подхода в отечественной социальной и образовательной среде базируется на результатах теоретико-методологических исследований в области специального образования, берущих свое начало в эпоху реформаторской педагогики и связанных с именами В. П. Кащенко, Г. Я. Трошина и др. Значительный вклад в развитие гуманитарного подхода, в переносе акцента с естественно-научной (медицинской, клинической) парадигмы на социальную внес Л. С. Выготский [3; 4].

В развитии теоретико-методологических основ в изучении инклюзии важными представляются *метаподходы* (системный, синергетический, антропологический), которые выступают в качестве фундамента инклюзии в трудовой сфере. Идеи системного подхода относительно социальной сферы использовались уже с середины XX в. (Р. Е. Левина, А. И. Дьячков, Ф. Ф. Рау, С. А. Зыков и др.). В 1970-е гг. отечественные исследователи гуманитарных практик заявили о необходимости обращения к синергетике как науке о саморазвивающихся, открытых системах. В этом направлении осуществляются исследования в рамках различных научных школ (Э. И. Леонгард, А. Р. Маллера, Е. А. Стребелевой и др.), занимающихся вопросами социальной помощи и социальной адаптации людей с ограниченными возможностями. Системный и синергетический подходы становятся методологической базой при изучении вопросов преобразования структур для потребностей инклюзивной среды [4]. Новейшие поиски обоснования инклюзивных моделей в социальной сфере с учетом исторических форм социальной и культурной жизни человечества, их многообразия и гетерогенности ведутся также в контексте антропологических исследований, рассматривающих хозяйственную и социокультурную деятельность человека (Л. Ф. Обухова, И. А. Корепапова, А. Ю. Шеманов и др.) [4].

В середине 1980-х гг. в европейской социальной науке начинает подвергаться резкой критике подход, ориентированный на парадигму нарушенного развития индивида. Точка зрения о содействии со стороны общества в жизнедеятельности индивида с нарушением развития перестает соответствовать изменившимся социальным установкам. Встает значимая проблема о ценностях и смысле жизни индивидов, которые имеют такие нарушения. Попытку классификации отклонений в рамках эколого-системного подхода предпринимает известный специалист в области социальных наук А. Сандер [5; 6]. Он подвергает сомнению понятие «нарушение развития», обосновывая это невозможностью четкого разграничения между нарушенным и ненарушенным развитием, наличием подвижных (текучих) переходов между традиционными видами нарушений, а также неопределенностью (спорностью) критериев классификации. А. Сандер обращает внимание на то, что исходным пунктом социального действия должно являться не нарушение, а индивид и его уникальное жизненное пространство [7]. В связи с этим он предлагает проводить классификацию не по типам повреждений, а по характеру социального сопровождения индивида. При таком понимании решающую роль играют не индивидуальные повреждения, а индивид, рассматриваемый в определенном контексте [5; 6]. Нарушенное развитие определяется А. Сандером как дифференцированная потребность в поддержке [4]. *Подход А. Сандера* придал динамику в исследованиях процесса развития инклюзии. В результате получила развитие характеристика понятия «нарушенное развитие» индивида, которая свелась к трем уровням: биологический, психологический и социальный [7; 8]. Эти результаты стали фундаментом обоснования инклюзии, в том числе инклюзивной занятости.

Подход с позиции теории инклюзивного пространства позволяет сформулировать специфику процессов, происходящих в совместной трудовой деятельности людей с ограниченными возможностями, их обучения и развития, подходы к эффективному функционированию инклюзивного пространства и инклюзивных процессов в целом. Теория определяет специфику трудовой деятельности работников с ограниченными возможностями (ОВ), выделяет приоритетные (или «рабочие») механизмы функционирования инклюзии в организации.

В целом можно говорить об инклюзии в трудовом процессе как целостной системе, которая направлена на социальную поддержку, адаптацию и развитие работников с ограниченными возможностями. Основу такой системы составляет комплекс условий, форм и методов включенности таких работников в сферу труда.

Инклюзивная занятость особенно актуализируется в контексте *концепции инклюзивного роста*, обеспечивающего устойчивость развития национальных экономик [9]. По сути, данная концепция обосновывает социально-экономическое развитие при соблюдении баланса интересов всех социальных и демографических групп в условиях прогрессивного экономического роста. Системообразующим фактором такого роста является «бездискриминационное» включение в социально-экономические отношения всех слоев населения, в том числе людей с ограниченными возможностями. Важность включения таких людей состоит и в том, чтобы минимизировать риск нахождения их за чертой бедности и исключения их из механизма регулирования неравенства доходов. Более точное определение инклюзивного развития экономики дает Всемирный банк: «...устойчивое, широко распространенное по всем секторам экономики, вовлекающее значительную часть трудовых ресурсов и характеризующееся равенством возможностей в доступе к рынкам и ресурсам» [10].

Методологически основу инклюзивного развития экономики целесообразно использовать для разработки подходов инклюзивной занятости как одного из ресурсных (например, альтернативный) источников. Основная *цель создания системы инклюзивной занятости* заключается в повышении качества жизни (прежде всего, трудовой жизни) путем облегчения взаимодействия работников с ограниченными возможностями с полноценными работниками и системой управления. Это будет способствовать построению социального общества нового качества с включением инклюзивной среды.

Понятие инклюзии в трудовой сфере

Инклюзивность – это включение кого-либо или чего-либо в общественный процесс. Чаще всего инклюзивность предполагает включение в жизнь общества людей с ограниченными возможностями здоровья, имеющих особенности физического развития, инвалидность или ментальные отличия. Впервые термин «инклюзия» был введен в оборот в 1994 году – под эгидой ЮНЕСКО в Испании прошла Всемирная конференция по образованию лиц с особыми потребностями, на которой была предложена данная научная категория.

Инклюзивность предполагает социальный подход к инвалидности. При таком подходе человек с особенностями не маркируется как «проблема», а наоборот – общество несовершенно и создает барьеры для человека с ограниченными возможностями. Это делает понятие инклюзивности очень широким: оно касается и городской среды, к примеру, создания комфортного передвижения на инвалидной коляске; и образования, в случае обучения детей с особенностями в обычных школах; и рабочего пространства, и бизнеса, и многих других областей.

Инклюзивная занятость – организация совместной трудовой деятельности с включением работников с ограниченными возможностями в конкретные производственные процессы. Это форма организации труда, при которой каждому человеку-работнику, независимо от имеющихся физических, социальных, эмоциональных, ментальных,

языковых, интеллектуальных и других особенностей, предоставляется возможность быть занятым в национальной экономике.

Однако понятие «трудова́я инклюзия» может быть представлено в узком и широком понимании. Так, в узком понимании трудовая инклюзия представляет собой процесс расширения опыта и границ трудового взаимодействия с работниками, имеющими ограниченные возможности. Именно такое понимание создает формы инклюзивного образования и развития, инклюзивной среды, инклюзивного найма. Узкое понимание трудовой инклюзии позволяет: а) сделать сам процесс инклюзивности более адресным; б) определяет отношение сторонних работников и корпоративной культуры к наличию трудовой инклюзии в целом (принятие ее или непринятие).

В широком понимании трудовую инклюзию следует понимать как расширение взаимодействия в трудовой сфере на людей, которые не охвачены инклюзией, но ее организуют, опосредуют процессы внутри нее, волонтеры и т. д. Такое понимание позволяет инклюзивный подход адаптировать для того, чтобы в социально-трудовой жизни участвовали люди с разными физическими и ментальными особенностями, всех возрастов и гендеров, с любой религиозной и этнической принадлежностью, с разным уровнем образования, с другими отличающимися характеристиками.

Инклюзия дает возможность получения экономической и социальной выгоды от инновационного развития организации, позволяет встраиваться в цифровые условия функционирования национальной экономики. Поэтому цель инклюзивного развития – создать благоприятную среду для равного доступа к возможностям, уделяя особое внимание наиболее уязвимым и изолированным группам, в том числе в трудовой сфере.

Положительное влияние инклюзии на бизнес и производственную среду состоит в том, что наблюдаются как социальные, так и экономические эффекты. К примеру, доказана связь разнообразия и инклюзии с корпоративными инновациями и привлечением новой рыночной аудитории. Согласно отчету Accenture Getting to Equal 2020: Disability Inclusion в компаниях, которые возглавляются руководителями, сосредоточенными на работе с людьми с инвалидностью, в сравнении с их коллегами, продажи выше в 2,9 раз, а прибыль – в 4,1 раз. В 2019 году возникло глобальное движение The Valuable 500, объединившее крупнейшие компании со всего мира, которые включили инклюзию в свою стратегическую повестку [11].

Инклюзивная занятость предполагает *инклюзивное рабочее место* – место, где работник с ограниченными возможностями может трудиться и претендовать на оценку своего труда. Это место, где люди с физическими недостатками имеют возможности профессионального совершенствования и роста. Особенности инклюзивного рабочего места могут быть связаны: а) с риском возникновения дискриминации (например, дискриминация по степени ограниченности физических возможностей у инклюзивных работников); б) со сложностью построения карьерных траекторий у работников с ОВ, так как приходится прилагать дополнительные усилия для признания в профессиональном кругу; в) с обязательным созданием инклюзивной среды, включающей технические элементы, гигиенические условия и т. п.

Инклюзивное рабочее место имеет определенные характеристики:

- во-первых, такие рабочие места будут разнообразны, так как работники с ОВ различны по своим особенностям. Эти особенности делают рабочие места уникальными, так как адаптированы, прежде всего, под способы включенности его в производственный процесс;

- во-вторых, справедливость оценок возможностей работника с ОВ на конкретном рабочем месте, справедливость в обеспеченности рабочего места ресурсами. Именно рабочее место позволит таким работникам иметь равноценный (по сравнению с другими работниками) доступ к производственным возможностям. В целом принципы

справедливости определяются корпоративной политикой, которая способствует равным возможностям при приеме на работу, заработной плате, продвижении по службе и профессиональном развитии;

- в-третьих, рабочее место должно обеспечивать работнику с ОВ чувство принадлежности к рабочему месту. Речь идет о создании среды, в которой такой работник будет иметь равный доступ к ресурсу и гарантии стабильности корпоративной политикой, где создана атмосфера сотрудничества, поддерживающая инклюзию;

- в-четвертых, рабочее место не только характеризуется инклюзивностью, но и разнообразием. Разница между инклюзивностью и разнообразием состоит в том, что инклюзия (включенность) формирует у работника чувство принятия в трудовой процесс и коллектив, а разнообразие дает возможность реализации потенциала работника в ОВ.

В целом наличие инклюзивных рабочих мест в современном обществе это не только моральный императив, а стратегическая необходимость бизнеса. Организации, которые успешно реализуют инклюзивные ценности, могут получить огромную выгоду: от расширения инноваций и творчества до повышения прибыльности и повышения конкурентоспособности на рынке.

Теория инклюзии в сфере труда имеет свою специфику, которая заключается в следующем:

1. Инклюзивные ценности в трудовой сфере – это признание разнообразия, равенства и справедливости, сотрудничества, участия работников с ограниченными возможностями.

2. Инклюзивное развитие – это система образования и наставничества, включающая образовательные центры и центры развития, адаптированные под образовательные потребности работников с ограниченными возможностями.

Инклюзивное развитие – это обеспечение доступа к качественному образованию для работников с ограниченными возможностями путем эффективного удовлетворения их образовательных потребностей и создания «безбарьерной» среды. Это предполагает, что корпоративная система должна быть адаптирована для включения работников с ограниченными возможностями.

3. Первый этап создания трудовой инклюзии может быть представлен в форме интеграции, когда работники с ограниченными возможностями задействованы в трудовом процессе без достаточной поддержки. Эффективная интеграция предполагает: участие в процессе труда без ограничений, создание позитивной корпоративной культуры для работников с ограниченными возможностями, механизм поощрения таких работников в достижении их личных и производственных целей; внутрифирменный канал обратной связи для своевременного реагирования на индивидуальные потребности в трудовом процессе, обеспечивая таким работникам достаточный уровень поддержки.

Риски, связанные с трудовой инклюзией, охватывают следующее:

- во-первых, найм сотрудников с инвалидностью влечет низкую продуктивность. Таких работников необходимо обучить, адаптировать в коллективе, даже в этом случае продуктивность их труда не гарантирована;

- во-вторых, возможное неприятие коллективом работников с ограниченными возможностями. Либо сотрудники не представляют себе, как общаться с такими коллегами;

- в-третьих, возможная немотивированность работников с ограниченными возможностями, появление склонности у них «качать права», трудности с их увольнением.

Подходы к созданию инклюзивной среды в трудовой сфере

Главный принцип создания инклюзивной среды – внимательное отношение к индивидуальным особенностям работников. Поэтому путь создания инклюзии у каждой

организации будет свой – с учетом специфики отрасли, численности сотрудников, уровня инновационности и финансового обеспечения. Условием эффективного создания инклюзивной среды будет являться план регулярной деятельности в области развития инклюзивной среды. Такой план может предполагать следующее:

1. Алгоритм сбора информации (картотека, каталог и т. п.) о работниках с ограниченными возможностями. С помощью этих данных работодатель определит специфику инклюзивной среды для конкретных работников и будет ее совершенствовать.

2. Механизм оценки степени профессионализма и эффективности труда работников с ОВ, выбор системы оплаты труда.

3. Диагностика и анализ текучести кадров среди работников с ОВ, определение влияющих факторов.

4. Разработка принципов и мер охраны труда работников с ОВ, создание адекватных условий труда, обеспечение соответствия рабочих мест индивидуальным особенностям и потребностям.

Место и роль инклюзивной занятости в социально-экономическом развитии государства

Инклюзивная занятость для развития любого государства прежде всего дополнит многообразие его социальной ниши. Особое место инклюзивная занятость занимает в модели социально ориентированной экономики, где такой вид занятости расширяет границы возможностей реализации человеческого капитала граждан страны. Инклюзивная занятость представляет преимущества и разнообразие в функционировании национального рынка труда. В совокупности это определяет и формирует инклюзивную культуру в социально-экономическом развитии страны, которая способствует социальному имиджу организаций, одновременно содействуя равенству и социальному прогрессу. Это все повышает привлекательность национальной экономики на международной политической арене.

Роль инклюзивной занятости в социально-экономическом развитии государства состоит в том, что такая занятость является фундаментом и содействует развитию инклюзивности в обществе в целом. Инклюзивная занятость позволит развивать инклюзию через программы обучения, многообразие, инклюзивные методы найма, через инновации в сфере инклюзивного развития и т. д. Другими словами, роль инклюзивной занятости состоит в том, что через ее реализацию открываются совершенно новые, инновационные формы взаимодействия в социально-трудовых отношениях, формируются новые институты и современная социальная архитектура общества. Так, например:

- инклюзивная занятость содействует психологической безопасности. В результате создается среда, в которой работники с ОВ будут чувствовать себя в безопасности и выражать свои мысли, мнения и опасения, не опасаясь осуждения или репрессий. Это будет содействовать укреплению доверия и сотрудничества в коллективе;

- развитие инклюзивной занятости обеспечит равные возможности работникам с ОВ. Такие сотрудники будут иметь равный доступ к возможностям для роста, развития и продвижения по службе. Внедрение с помощью инклюзии прозрачных карьерных дорожек позволяет процессы продвижения по службе в организации сделать более совершенными. Это, в свою очередь, обеспечивает принцип социального равенства в корпоративной культуре организации.

Инклюзивная занятость занимает свое определенное место в социально-экономическом развитии государства. Это связано с тем, что модель экономического развития страны, включая инклюзивную занятость, формирует инклюзивную политику и практику. Инклюзивная политика включает в себя:

- механизмы (процедуры, мероприятия, практики) по устранению барьеров, которые могут препятствовать инклюзии, в том числе инклюзивной занятости. Это вклю-

чает в себя устранение барьеров при приеме на работу, предоставление комфортных условий для людей с ограниченными возможностями;

- создание трудового сообщества работников с ОВ (ресурсные группы), которые будут объединены общими интересами и проблемами, что сделает возможным установление социальных связей таких работников с работодателями (нанимателями) и государством;

- разработку инклюзивных планов развития, где будет сосредоточено разнообразие форм работ с людьми с ограниченными возможностями, перечень инициатив и программ работы с работниками на инклюзивных рабочих местах. Реализация таких планов сделает возможным введение инклюзивной занятости и создание инклюзивных рабочих мест в большинстве организаций и субъектов хозяйствования. Это не только будет способствовать успеху в бизнесе, но и повысит удовлетворенность, вовлеченность и удержание сотрудников;

- введение в Закон «О занятости населения» отдельной статьи (или положения) о формах и методах инклюзивного найма работника, об условиях инклюзивной занятости и о создании инклюзивных рабочих мест. Внесение таких изменений в Закон сделает возможным организациям разрабатывать свои корпоративные стратегии развития инклюзивной занятости, позволяющие более активно привлекать и нанимать работников с ОВ.

Заключение

Таким образом, теоретико-методологическое обоснование инклюзивной занятости позволяет говорить об инклюзии в трудовом процессе как о целостной системе, которая направлена на социальную поддержку, адаптацию и развитие работников с ограниченными возможностями. Основу такой системы составляет комплекс условий, форм и методов включенности таких работников в сферу труда.

Инклюзивная занятость – организация совместной трудовой деятельности с включением работников с ограниченными возможностями в конкретные производственные процессы. Это форма организации труда, при которой каждому человеку-работнику, независимо от имеющихся физических, социальных, эмоциональных, ментальных, языковых, интеллектуальных и других особенностей, предоставляется возможность быть занятым в национальной экономике. Инклюзивная занятость предполагает инклюзивное рабочее место – место, где работник с ограниченными возможностями может трудиться и претендовать на оценку своего труда. Это место, где люди с физическими недостатками имеют возможности профессионального совершенствования и роста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Музыка, О. А.* Интерпретационные возможности системного подхода в осмыслении инклюзии в современном обществе / О. А. Музыка // Социология. – 2020. – № 2. – С. 358–362.
2. *Нирье, Б.* Принцип нормализации и службы по уходу за людьми с интеллектуальными нарушениями / Б. Нирье // Нормализация жизни в закрытых учреждениях для людей с интеллектуальными и другими функциональными нарушениями: теоретические основы и практический опыт / под. ред. К. Грюневальд. – СПб. : Питер, 2003. – С. 61–92.
3. *Выготский, Л. С.* Основы дефектологии (Дефект и компенсация) / Л. С. Выготский // Собр. соч. : в 6 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 5. – 369 с.
4. Инклюзивное образование: результаты, опыт и перспективы: сборник материалов III Междунар. научно-практ. конф. / под ред. С. В. Алехиной. – М. : МГППУ, 2015. – 528 с.
5. *Sander, A.* Zum Problem der Klassifikation in der Sonderpädagogik. Ein ökologischer Ansatz. – 2000. – VHN (54), H. 1. – S. 15–31.
6. *Sander, A.* Behinderungsbegriffe und ihre Konsequenzen für die Integration / A. Sander. – München, 2003. – 136 s.

7. *Фуряева, Т. В.* Педагогика инклюзии за рубежом: теоретико-методологический дискурс / Т. В. Фуряева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – Т. 7, № 6. – С. 152–174.
8. *Alicke, T.* Inclusion – background a new point of view. *Migration und Soziale Arbeit*. – 2013. – Vol. 35, № 3. – P. 243–248.
9. *Пахомова, Н. В.* Инклюзивный устойчивый рост: приоритеты, индикаторы, международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации / Н. В. Пахомова, К. К. Рихтер, Г. Б. Малышков // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3. – С. 15–24.
10. *Левенков, А.* Инклюзивный рост: понятие, индикаторы, международный опыт / А. Левенков // Банковский вестник. – 2015. – № 12. – С. 41–46.
11. Инклюзивность – простыми словами: в бизнесе, образовании и обществе. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6260fb9d9a794768ff6beb0f?from=copy>. – Дата доступа: 29.05.2024.

Поступила в редакцию 30.05.2024 г.

Контакты: makovskaya@msu.by (Маковская Наталья Владимировна).

***Makovskaya N. V.* INCLUSIVE EMPLOYMENT: CONCEPT, ESSENCE, APPROACHES**

The article presents new approaches to understanding inclusive employment for domestic economic science. The theoretical and methodological foundations of inclusive employment as an integral system aimed at social support, adaptation and development of workers with disabilities are substantiated. Inclusive employment is presented as the organization of joint work activities with the inclusion of workers with disabilities in specific production processes.

Keywords: inclusive employment, employee with disabilities, social support, inclusive environment, inclusive workplace.

УДК 338.45

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМОЙ

Т. В. Романькова

кандидат экономических наук, доцент
Белорусско-Российский университет

В статье рассмотрена сущность и выявлены функции регионального управления транспортной системой. Систематизированы показатели оценки степени выполнения каждой функции и разработана методика расчета комплексного показателя регионального управления транспортом, позволяющая принимать обоснованные управленческие решения для повышения эффективности функционирования региональной транспортной системы.

Ключевые слова: функции, управление, транспортная система, регион, комплексный показатель.

Введение

Важным элементом мониторинга транспортной системы региона является государственное региональное управление. Оно осуществляется путем воздействия органов государственной власти региона на участников транспортного процесса посредством функций управления, направленных на реализацию стратегии развития транспорта в рамках государства.

Одним из способов повышения эффективности функционирования транспортной системы региона является результативное, т. е. оперативное и производительное управление всеми видами транспорта на уровне региона. Оценить эффективность регионального управления транспортной системой целесообразно на основе качества выполнения совокупности функций. Поэтому, во-первых, необходимо определить функции, которые выполняются при управлении транспортной системой региона. Во-вторых, обосновать показатели оценки каждой функции.

Основная часть

К функциям управления транспортной системой региона предлагается отнести:

1. Планирование, т. е. установление целевых показателей развития транспорта.
2. Нормирование, т. е. обоснование и установление линейных норм расхода топлива.
3. Контроль, т. е. проверка за работой транспорта, т. к. он оказывает негативное воздействие на окружающую среду, его перемещение может осуществляться с нарушением (госграниц, правил, соглашений и т. д.).
4. Учет, т. е. отслеживание и отражение на счетах транспортных организаций выполненной работы и движения всех производственных ресурсов. Однако следует отметить, что с целью получения более точных данных учета по регионам целесообразно организовать учет потребления ресурсов, выполненной работы и эффективности работы транспортными организациями и транспортом промышленных предприятий.
5. Анализ, т. е. оценка результатов работы транспортной системы в разрезе видов транспорта для выявления резервов повышения эффективности их функционирования.
6. Регулирование представляет собой руководство транспортной системой региона. Авторы выделяют следующие виды: нормативно-правовое; налоговое; лицензионное; финансовое; тарифное.

Применение функций управления транспортной системой региона в комплексе и по всему спектру управленческого действия окажет положительное влияние на развитие транспортной региональной системы.

Оценить процесс управления региональной транспортной системой предлагается через систему показателей, характеризующих качество выполнения соответствующих функций.

В программе развития транспорта региона отражаются основные показатели (грузооборот, экспорт, риски и др.), выполнение которых позволит достичь намеченных целей дальнейшего развития транспорта. Оценить реализацию функции планирования, предлагается с помощью расчета коэффициента выполнения плана по основным направлениям развития транспорта региона, отраженным в Государственной программе «Транспортный комплекс» на 2021–2025 гг.:

$$K_{ВП} = \frac{\sum_{i=1}^n P_{\phi_i} / n}{\sum_{i=1}^n P_{П_i} / n}, \quad (1)$$

где $P_{П_i}$ и P_{ϕ_i} – показатель, характеризующий i -е направление развития транспортной отрасли региона соответственно по плану и фактически, р.(т·км);

n – количество анализируемых показателей.

Нормирование представляет собой разработку и утверждение норм расхода ресурсов. Для автотранспортных предприятий наиболее важной задачей является снижение затрат на движущие операции, т. е. расход топлива. Поэтому нормирование заключается в обеспечении применения технически и экономически обоснованных линейных норм расхода топлива и его наиболее эффективное использование. В связи с тем, что топливо расходуется при перевозке грузов и пассажиров различными видами транспорта, то предлагается в качестве показателя использовать коэффициент изменения расхода топлива на тонно-километр приведенного грузооборота [1]:

$$K_{РГ}^Г = \frac{PT_{ГО_{\phi}}}{PT_{ГО_{П}}}, \quad (2)$$

где $PT_{ГО_{\phi}}$, $PT_{ГО_{П}}$ – соответственно расход топлива на тонно-километр приведенного грузооборота в отчетном и прошлом году, л/т·км.

Расход топлива на тонно-километр приведенного грузооборота рассчитывается [1]:

$$PT_{ГО} = \frac{P_T}{ГО_{ПРИВ}}, \quad (3)$$

где P_T – объем потребленного топлива транспортной системой региона за период, л;

$ГО_{ПРИВ}$ – грузооборот приведенный, т·км.

$$ГО_{ПРИВ} = ГО_{ГР} + \sum K_{ПР} \cdot ПО, \quad (4)$$

где $K_{ПР}$ – коэффициенты приведения пассажирооборота различных видов транспорта к грузообороту: для железнодорожного – 2, для автомобильного – 0,4, для речного – 10 [2].

Функция контроля в управлении транспортной системой региона предполагает отслеживание отклонений основных технико-экономических показателей, описывающих результаты работы за год от плановых или от значений прошлого года.

Контроль, осуществляемый за деятельностью транспорта региона, можно разделить по направлениям и видам:

1) Отслеживание транспортных средств, перемещаемых по территории региона в реальном времени:

- 1.1 контроль передвижения транспорта в режиме онлайн;
- 1.2 контроль скоростного режима транспортных средств;
- 1.3 контроль стоянки и остановки транспортных средств;
- 1.4 контроль выезда (приезда) транспортных средств в запланированные места;
- 1.5 контроль перемещения транспортных средств по маршрутам.

- 2) Отслеживание потребления топлива транспортных средств в регионе:
 - 2.1 фактическое потребление топлива транспортных средств;
 - 2.2 контроль мест заправок транспортных средств.
- 3) Отслеживание параметров и показателей транспортных средств, транспортной системы региона:
 - 3.1 контроль технических параметров транспортных средств;
 - 3.2 контроль технико-экономических показателей транспортных средств;
 - 3.3 контроль достижения плановых показателей транспортной системы региона.

Однако следует отметить, что оценить показателем каждый вид контроля на уровне транспортной системы региона достаточно сложно, поэтому предлагается в качестве результирующего показателя использовать вклад транспортной деятельности в валовой региональный продукт. Тенденция роста данного показателя характеризует стабильную работу транспортной системы региона и наоборот.

Поэтому оценить реализацию функции контроля можно коэффициентом, характеризующим изменение доли транспорта в валовом региональном продукте (ВРП) [3]:

$$K_d = \frac{D_{тр.ф}}{D_{тр.пр}}, \quad (5)$$

где $D_{тр.ф}$, $D_{тр.пр}$ – доля транспортной деятельности в ВРП соответственно за отчетный и прошлый год, р./р.

$$D_{тр.ф(пр)} = \frac{TP_{ф(пр)}}{ВРП_{ф(пр)}}, \quad (6)$$

где $TP_{ф(пр)}$ – вклад транспортной деятельности региона в ВРП в отчетном или прошлом году, млн р.;

$ВРП_{ф(пр)}$ – валовой региональный продукт соответственно в отчетном и прошлом году, млн р.

Для принятия действенных решений по дальнейшему развитию региональной транспортной системы необходимы достоверные данные. Их можно получить на основе ведения точного безошибочного учета. К организациям, у которых имеются ошибки и несвоевременно отражаются данные на счетах, будут применяться штрафы.

Так же на основе данных бухгалтерского учета формируются формы государственной статистической отчетности. Изменения и развитие внешней среды оказывает непосредственное влияние на внутреннюю среду организаций и направлены на сбор информации и получение новых, достоверных данных по предприятиям транспортного комплекса. В связи с этим Национальный статистический комитет Республики Беларусь вносит изменения в формы государственной статистической отчетности по транспорту. Изучение статистических показателей, характеризующих результаты работы транспорта, имеет важное значение для развития транспортного комплекса региона (страны) и будет способствовать улучшению сбора, обработки, анализа информации и разработке мероприятий по повышению эффективности функционирования транспортной системы.

Поэтому выполнение функции учета предлагается оценить:

- 1) во-первых, долей штрафа за ненадлежащее ведение бухучета в общей величине штрафов транспортных организации региона:

$$D_{шт.уч.ф(пр)} = \frac{B_{шт.уч.ф(пр)}}{B_{шт.ф(пр)}}, \quad (7)$$

где $B_{шт.уч.ф(пр)}$, $B_{шт.ф(пр)}$ – величина штрафа за ведение учета и общая на предприятии за отчетный и прошлый периоды, р.

Так как, чем больше доля штрафа, тем хуже выполняется функция учета на предприятии, поэтому целесообразно сделать преобразование при расчете коэффициента изменения доли штрафа за ненадлежащее ведение бухгалтерского учета:

$$K_{шт.уч} = \frac{(1 - D_{шт.уч})_{\phi}}{(1 - D_{шт.уч})_{пр}}, \quad (8)$$

2) во-вторых, коэффициентом внесенных изменений в формы государственной статистической отчетности организаций транспорта:

$$K_{изм} = \frac{K\Phi_{д.ф} + K\Phi_{изм.ф}}{K\Phi_{д.пр} + K\Phi_{изм.пр}}, \quad (8)$$

где $K\Phi_{д.ф(пр)}$ – количество форм государственной статистической отчетности действующих соответственно в отчетном и прошлом годах, шт.;

$K\Phi_{изм.ф(пр)}$ – количество форм государственной статистической отчетности измененных (новых) соответственно в отчетном и прошлом годах, шт.

Общим показателем, на основании которого описывается выполнение функции учета, является коэффициент качества ведения учета:

$$K_{в.уч} = \frac{K_{шт.уч} + K_{изм}}{2}. \quad (9)$$

В связи с тем, что анализ проводится по достоверным данным учета, то выявить недостатки и узкие места в работе транспортной системы региона можно только путем проведения регулярного анализа не только за год, но и квартал, месяц. Поэтому оценить выполнение функции анализа предлагается на основании расчета коэффициента изменения частоты его проведения:

$$K_{ч.а.} = \frac{K_{дф.ф}}{K_{дф.пр}}, \quad (10)$$

где $K_{дф.ф}, K_{дф.пр}$ – количество документальных фиксаций проведенного анализа соответственно в отчетном и прошлом году, раз.

В отношении транспортных организаций, как и других субъектов хозяйствования, разрабатываются нормативно-правовые акты, регулирующие их деятельность. Для оценки осуществления нормативно-правового регулирования транспортной деятельности предлагается рассчитать коэффициент нормативно-правового регулирования:

$$K_{нп.р} = \frac{K_{нп} + K_{шт.нп}}{2}, \quad (11)$$

где $K_{нп}$ – коэффициент обновления (переутверждения) нормативно-правовых актов (НПА);

$K_{шт.нп}$ – коэффициент изменения доли штрафа за несоблюдение НПА.

Коэффициент обновления (переутверждения) НПА:

$$K_{нп} = \frac{K_{д.нп.ф} + K_{утв.нп.ф}}{K_{д.нп.пр} + K_{утв.нп.пр}}, \quad (12)$$

где $K_{д.нп.ф(пр)}$ – количество действующих нормативно-правовых актов, утвержденных государственными органами в отношении транспортных организаций, направленных на развитие их деятельности соответственно в отчетном и прошлом году, шт.;

$K_{утв.нп.ф(пр)}$ – количество НПА утвержденных государственными органами в отношении транспортных организаций, направленных на развитие их деятельности соответственно в отчетном и прошлом году, шт.

Коэффициент изменения доли штрафа за несоблюдение НПА:

$$K_{шт.нп} = \frac{(1 - D_{шт.нп})_{\phi}}{(1 - D_{шт.нп})_{пр}}, \quad (13)$$

где $D_{шт.нп.ф(пр)}$ – доля штрафа за несоблюдение НПА в общей величине штрафов транспортных организаций региона соответственно в отчетном и прошлом году:

$$D_{шт.нп.ф(пр)} = \frac{B_{шт.нп.ф(пр)}}{B_{шт.ф(пр)}}, \quad (14)$$

где $B_{шт.шт.ф(пр)}$ – величина (размер) штрафа за несоблюдение НПА транспортными организациями региона соответственно в отчетном и прошлом годах, р.;

Налоговое регулирование направлено на разработку и обоснование налогов, налоговых ставок, понижения или повышения общего уровня налогообложения транспортных организаций региона. Поэтому функции налогового регулирования можно оценить коэффициентом изменения собираемости налогов:

$$K_{сн} = \frac{\sum НП_{\phi i}}{\sum НП_{пр}}, \quad (15)$$

где $НП_{\phi i, пр}$ – объем налоговых поступлений от транспортной системы региона соответственно в отчетном и прошлом году, р.

Ключевым элементом региональной транспортной системы являются транспортные организации различных форм собственности. Выдача или запрет разрешений (лицензий) на оказание транспортных услуг осуществляется государственными органами. Оценить лицензионное регулирование предлагается коэффициентом роста/снижения выданных разрешений на оказание транспортных услуг:

$$K_{л.р} = \frac{Ч_{л.р.\phi i}}{Ч_{л.р.пр}}, \quad (16)$$

где $Ч_{л.р.\phi i, пр}$ – количество выданных лицензионных разрешений на оказание i -х транспортных услуг соответственно в отчетном и прошлом году, шт.

Финансовое регулирование региональной транспортной системы предполагает принятие мер по:

1) распределению и перераспределению финансовых ресурсов между элементами транспортной системы (транспортная инфраструктура региона; транспортные предприятия; транспортные средства региона);

2) привлечение инвестиций в транспортную отрасль региона.

Предлагается оценить реализацию данной функции коэффициентом изменения финансового регулирования:

$$K_{фр} = \frac{(B_{д} + B_{ф.в} + B_{ин.инв} + B_{пр.инв})_{\phi}}{(B_{д} + B_{ф.в} + B_{ин.инв} + B_{пр.инв})_{пр}}, \quad (17)$$

где $B_{д}$ – величина дотаций в транспортные организации региона, р.;

$B_{ф.в}$ – величина финансовых вложений в развитие транспортной отрасли региона, р.;

$B_{ин.инв}$ – величина иностранных инвестиций, привлеченных в транспортную отрасль региона, р.;

$B_{пр.инв}$ – величина прямых иностранных инвестиций, привлеченных в транспортную отрасль региона, р.

Тарифное регулирование направлено на установление обоснованных тарифов на перевозку пассажиров и грузов. От установленного уровня зависят конечные показатели деятельности организации, спрос на транспортные услуги; эффективность деятельности. Государство непосредственно регулирует тарифы на пассажирские перевозки в разрезе видов транспорта и железнодорожные грузовые перевозки [4].

Поэтому тарифное регулирование можно оценить на основе расчета индекса (коэффициента) цен на перевозку:

$$K_{ц} = \frac{K_{ц.п} + K_{ц.гр}}{2}, \quad (18)$$

где $K_{ц.п(гр)}$ – коэффициент изменения тарифов на перевозку пассажиров и грузов соответственно:

$$K_{ц.п(гр)} = \frac{T_{п(гр).\phi}}{T_{п(гр).пл}}, \quad (19)$$

где $T_{п(гр).\phi, пл}$ – рентабельность в отчетном году и по плану, %.

В связи с тем, что региональное управление транспортной системой осуществляется посредством совокупности функций, то для определения эффективности управления предлагается рассчитывать комплексный показатель.

Методика оценки комплексного показателя регионального управления транспортной системой представлена на рис. 1.

Заключение

Комплексный показатель управления региональной транспортной системой определяется как средняя арифметическая величина показателей, характеризующих степень выполнения соответствующих функций.

Такой подход к расчету выбран по следующим причинам:

- отобранные показатели имеют одинаковую направленность;
- каждый показатель характеризует одну из функций управления;
- для показателей характерны типичные размеры варьирования.

Таким образом, расчет комплексного показателя управления региональной транспортной системой позволит повысить обоснованность использования функций управления, оценить масштаб их воздействия на результаты работы транспортной системы и формировать информационную базу для принятия управленческих решений с учетом использования функций в управлении транспортом региона.

Список использованных источников

1. **Романькова, Т. В.** Система показателей мониторинга пассажирских перевозок региона / Т. В. Романькова // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. – 2023. – № 2 (62). – С. 7–13.
2. **Никольский, И. В.** Избранные труды / И. В. Никольский. – Смоленск : Ойкумена, 2009. – 332 с.
3. **Романькова, Т. В.** Методические аспекты оценки уровня развития транспортного потенциала областей Республики Беларусь / Т. В. Романькова. // Вестник Белорусско-Российского университета. – 2021. – № 4 (73). – С. 114–122.
4. **Романькова, Т. В.** Показатели мониторинга результатов работы городского пассажирского транспорта / Т. В. Романькова // Вестник Белорусско-Российского университета. – 2023. – № 4 (81). – С. 103–109.

Поступила в редакцию 22.02.2024.

Контакты: romankova.by@mail.ru (Романькова Татьяна Васильевна).

Romankova T. V. METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF REGIONAL TRANSPORTATION SYSTEM MANAGEMENT

The article considers the essence and identifies the functions of the regional management of the transport system. The indicators for assessing the degree of implementation of each function are systematized and the methodology for calculating a comprehensive indicator of regional transport management is developed enabling to make well-grounded management decisions to improve the efficiency of the regional transport system.

Keywords: functions, management, transport system, region, complex index.

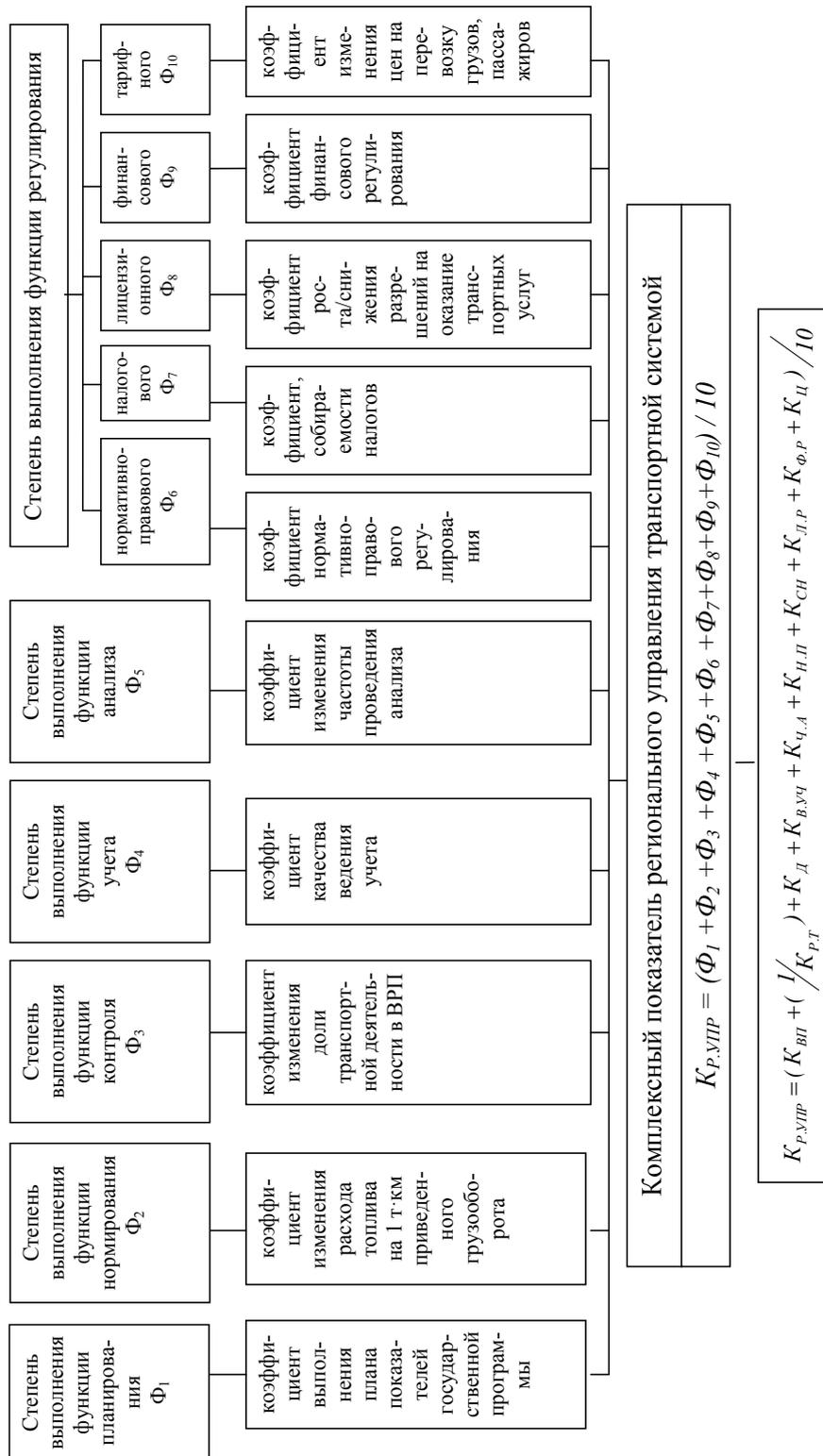

Рисунок 1. Расчет комплексного показателя управления региональной транспортной системой

УДК 331.103

РОЛЬ И МЕСТО РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТРУДА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

Н. А. Осипенко

кандидат экономических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Е. Г. Галкина

аспирант

Витебский государственный технологический университет

В статье представлены результаты исследования по определению роли и места регламентации труда в системе управления деятельностью предприятия, включающие связь регламентации труда с технологиями использования персонала, связь с показателями эффективности деятельности предприятия. Также представлены направления научных исследований регламентации труда.

Ключевые слова: регламентация, регламентация труда, процесс, механизм реализации регламентации труда.

Введение

В современных условиях успешная деятельность предприятия и его конкурентоспособность определяется множеством факторов, среди которых важное значение имеет система управления деятельностью предприятия. Данная система функционирует в рамках таких сфер, как стратегический менеджмент, управление маркетингом, финансовый менеджмент, управление персоналом, инновационный менеджмент. Обеспечение эффективности каждой из этих сфер позволит достигать стоящие перед предприятием стратегические задачи развития.

Управление персоналом выступает функциональной сферой деятельности предприятия, основной задачей которой является обеспечение персоналом в необходимом количестве и требуемого качества, эффективное его использование в соответствии с поставленными целями. Проблемы в данной сфере будут оказывать негативное влияние на другие сферы менеджмента, и, как следствие, система управления деятельностью предприятия будет характеризоваться более низким уровнем эффективности и отсутствием конкурентных преимуществ. В этой связи важным является определение механизмов, позволяющих обеспечивать эффективность управления персоналом как вида управленческой деятельности, устойчивость системы управления персоналом в результате влияния совокупности факторов. Решение данной научно-исследовательской задачи основывается на определении состава системы управления персоналом, роли каждого из элементов в данной системе и их взаимосвязей.

Основная часть

Управление персоналом – это часть менеджмента, касающаяся наемных работников и их взаимоотношений с работодателем в рамках предприятия, а также деятельность по формированию, развитию и использованию трудового потенциала организации для достижения социально-экономической эффективности бизнес-деятельности [1, с. 23]. Как видно, в рамках управления персоналом люди выступают в качестве

субъектов и объектов управления. При этом цели, которые преследуются управленческим персоналом и работниками, различаются. Так, требуется объединять и развивать усилия работников для эффективной организации труда, и одновременно с этим обеспечивать их благосостояние, уровень которого будет способствовать достижению целей предприятия посредством стремления работников трудиться эффективно. Противоположность целей предприятия и наемных работников выступает основой конфликтов и преградой для эффективного функционирования, а также развития предприятия. Кроме этого, персонал предприятия может иметь различную половозрастную, квалификационную, функциональную структуру. Различия в качественном составе персонала и уровне владения необходимыми компетенциями, психологические его особенности также могут являться причинами возникновения проблем в деятельности предприятия и непосредственно в сфере управления персоналом, что выражается в разобщенности выполняемых действий, их бессистемности и несогласованности, низком уровне качества. В этой связи возникает необходимость в установлении правил и требований, позволяющих отрегулировать взаимоотношения в коллективе и обеспечить соблюдение использования технологий в функциональных сферах для достижения требуемых результатов, что отражает суть регламентации.

Одним из первых, кто указал на проблему регламентации, считается Э. Дюркгейм. Он указал на юридический аспект регламентации, при этом сам термин «регламентация» не использовал [2, с. 9].

В литературе представлено множество определений понятия «регламентация», которое привязывается к определенному объекту: труд, технология, систему управления и ее элементы, процессы, потребление ресурсов. В рамках рассмотрения вопросов управления персоналом имеет значение именно регламентация труда.

Определения понятия «регламентация труда» представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Трактовка понятия «регламентация труда»

Автор	Понятие «регламентация»
Былков В.Г.	Под регламентацией труда понимают установление определенных правил, положений, инструкций, норм, устанавливающих порядок деятельности работников при осуществлении ими трудовых функций или выполняемой работы. Это означает, что на всех уровнях должны быть прописаны все аспекты трудовой деятельности, учитывая разнообразные этапы, формы и стадии ее осуществления [3, с. 9].
Юшин Г.Д.	Регламентация труда – это установление правил, положений, инструкций, норм, определяющих порядок деятельности работников при осуществлении ими трудовых функций [4, с. 17].
Бурыхин Б. С., Сизов В. В.	Регламентация представляется как совокупность мероприятий по использованию регламентов в процессе осуществления социально-трудовых отношений, выступающих в самых различных формах и видах этих отношений [5, с. 89].
Савельева Е.А.	Регламентация труда представляет собой сложное явление, характеризующееся системой правовых, организационно-экономических, технико-технологических, социально-психологических и других аспектов [6, с. 4].
Сотникова С. И.	Регламентация труда – это установление правил, положений, инструкций, норм, определяющих порядок деятельности работников при осуществлении ими трудовых функций [1, с. 131].

Как видно, отсутствует единая точка зрения на суть понятия «регламентация труда», однако, большинство авторов сходятся во мнении, что регламентация труда нацелена на установление правил, инструкций, норм, положений, определяющих порядок трудовой деятельности. Отсюда, вытекает основная функция регламентации труда – организационная, которая требует от персонала подчинения установленным

правилам и требованиям, а также следование им при выполнении трудовых функций. Данная функция, на наш взгляд, устанавливает рамки трудовой деятельности и формы ее реализации, которые должны определять получение стабильного наилучшего результата независимо от влияния различных факторов. При этом следует учитывать, что различия в содержании труда персонала и множество процессов, в рамках которых реализуются трудовые функции персонала, требуют реализации координирующих действий. В этой связи можно выделить координирующую функцию регламентации труда, заключающуюся в установлении требований к элементам и процессам трудовой деятельности, определяющих ее содержание.

Организационная и координирующая функция регламентации труда позволяет определить ее как процесс, который относится к технологии использования персонала в рамках системы управления персоналом.

Процесс регламентации труда тесно связан с другими технологиями использования персонала, такими как организация труда персонала, нормирование труда, стандартизация труда, охрана труда и техника безопасности персонала [1, с. 3–4]. На наш взгляд, данная связь имеет два аспекта: а) регламентация труда наряду с другими технологиями управления персоналом формирует один из элементов системы управления персоналом и рассматривается как отдельный процесс, определяющий процесс труда; б) при реализации процессов организации труда, нормирования и стандартизации труда возникают вопросы регламентации этих процессов, то есть установления правил и требований, в соответствии с которыми указанные процессы должны осуществляться, в том числе трудовые функции работников, задействованных в этих процессах. Исходя из этого, место регламентации труда следует определять в зависимости от вида процессов предприятия и соответствующих трудовых функций, необходимых для его реализации. Это означает, что все процессы предприятия следует рассматривать с точки зрения необходимости регламентации труда:

- не требующие регламентации труда;
- требующие регламентации отдельных трудовых функций, реализуемых в рамках данного процесса;
- требующие регламентации всех трудовых функций, реализуемых в рамках данного процесса.

Для отнесения процессов к указанным группам, на наш взгляд, требуется проведение исследований, которые позволили бы определить условия и критерии классификации процессов с точки зрения регламентации труда.

Организационная функция регламентации труда, означающая подчинение персонала установленным требованиям, характеризует такое ее свойство, как жесткость, которая не позволяет отходить от требований и правил. При этом если на предприятии регламентируются все или большинство процессов, в том числе процессы труда, то это увеличивает долю и влияние регламентации на результаты, а учитывая жесткость регламентации, может возникнуть ситуация, когда система управления персоналом начнет давать сбои и соответственно не может быть признана эффективной. В этой связи возникает еще одна исследовательская проблема, связанная с определением границы реализации регламентации труда.

Одной из характеристик эффективной системы управления персоналом является гибкость – способность адаптироваться под воздействием изменений и в результате обеспечивать достижение главных целей предприятия. Эта же характеристика должна быть присуща и регламентации труда, иначе ее жесткость не будет позволять своевременно и быстро реагировать на происходящие изменения, что в свою очередь будет отрицательно сказываться на эффективности деятельности предприятия, а также будет исключать возможность формирования его конкурентного преимущества, основанного

на способности адаптироваться к внешней среде. Отсюда вытекает исследовательская проблема, связанная с разработкой механизма эффективного использования регламентации в рамках управления персоналом. Данный механизм должен увязывать происходящие изменения во внешней и внутренней среде предприятия с изменениями к подходам управления персоналом и функционирования системы управления персоналом, что в свою очередь должно отражаться на процессе регламентации труда и ее результатах. А это будет обеспечивать качественное выполнение трудовых функций, высокую производительность труда в целом, необходимую скорость адаптации предприятия.

Разработка механизма эффективной реализации регламентации труда требует детального рассмотрения сущности данного процесса. Для этого на основе метода «6 вопросов» были определены ключевые характеристики, позволяющие создать основу для описания сущности регламентации труда. Традиционно метод «6 вопросов» используют при разработке плана маркетинговых исследований, а также при необходимости определения наличия проблемы в деятельности предприятия, ее сути и причин возникновения. Этот метод относится к группе методов мозгового штурма. Его можно использовать и для решения иных вопросов, например, понимания сути научной проблемы. В общем виде метод «6 вопросов» заключается в том, что формулируют вопросы: что, кто, как, когда, зачем, где, а это позволяет всесторонне рассмотреть проблему.

Результаты использования метода «6 вопросов» представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Вопросы, определяющие характеристики регламентации труда

Вопрос	Исследовательская задача изучения регламентации труда
Что включает регламентация труда?	Требуется определить процессы, как составные элементы процесса регламентации труда
Что выступает объектом регламентации труда?	Требуется определение трудовых функций, подлежащих регламентации.
Кто должен осуществлять регламентацию труда?	Требуется определить субъектов, которые участвуют в реализации регламентации труда, и субъектов, принимающих решения, касающиеся необходимости изменений регламентации труда и организации внедрения этих изменений.
Как должна осуществляться регламентация труда?	Требуется определение технологий реализации процессов регламентации труда.
Когда должна осуществляться регламентация труда?	Требуется определение условий, при которых возникает необходимость в регламентации труда или внедрения изменений в этот процесс.
Зачем должна осуществляться регламентация труда?	Требуется установить связь результатов регламентации труда с показателями эффективности деятельности предприятия, что будет позволять проводить оценку данного процесса, принимать обоснованные управленческие решения по его совершенствованию.
Где должна осуществляться регламентация труда?	Требуется определение уровня реализации регламентации труда: - уровень предприятия; - уровень подразделения предприятия; - уровень трудовой функции работника в рамках определенного процесса.

Заключение

Таким образом, регламентация труда является процессом, который осуществляется в рамках функционирования системы управления персоналом. От регламентации труда зависит эффективность данной системы, что определяет степень достижения целей предприятия, его конкурентоспособность. Установлено, что регламентация труда характеризуется жесткостью, требующая подчинения персонала установленным правилам. Повышение степени жесткости и объемов регламентации труда способны ока-

зать негативное влияние на ее результаты. Также регламентация труда способна внести вклад в формирование конкурентного преимущества предприятия, основанного на способности адаптироваться к изменениям внешней среды. В этой связи возникает необходимость проведения исследований, направленных на изучение вопросов обеспечения эффективности деятельности предприятия за счет высокой результативности регламентации труда. К таким вопросам можно отнести: а) при каких условиях необходима регламентация труда, и что определяет ее сущность; б) при каких изменениях требуется внедрение изменений в регламентацию труда; в) каков механизм внедрения изменений регламентации труда, позволяющего сформировать основу для увеличения скорости адаптации предприятия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Управление персоналом организации: современные технологии : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / С. И. Сотникова [и др.] ; под науч. ред. С. И. Сотниковой. – М. : РИОР ИНФРА-М, 2018. – 321 с.
2. **Нестеров, А. В.** Регламенты: теория и практика : монография / А. В. Нестеров, Е. И. Андреева. – М. : РиоРта. – 2008. – 140 с.
3. Регламентация труда : учебное пособие для вузов / В. Г. Былков. – М. : Издательство Юрайт, 2024. – 189 с.
4. **Юшин, Г. Д.** Регламентация и нормирование труда : учеб.-метод. комплекс / Г. Д. Юшин, Н. Ю. Калинина; под ред. С. А. Баркалова. – Воронеж : Воронежский ГАСУ, 2013. – 239 с.
5. **Бурыхин, Б. С.** Улучшение регламентации труда работников управления предприятий / Б. С. Бурыхин, В. В. Сизов // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 12 (127). – С. 89–91.
6. **Савельева, Е. А.** Сущность и функции регламентации труда при переходе к цифровой экономике / Е. А. Савельева // Экономика труда. – 2018. – Т. 5, № 1. – С. 1–11.

Поступила в редакцию 9.06.2024 г.

Контакты: osipenko_na@msu.by (Осипенко Наталья Александровна), galkina@msu.by (Галкина Елена Геннадьевна).

Osipenko N. A., Galkina E. G. THE ROLE AND PLACE OF LABOR REGULATION IN THE ENTERPRISE MANAGEMENT SYSTEM

The article presents the results of the study to determine the role and place of labor regulation in the management system of an enterprise, including the relationship of labor regulation with personnel management technologies, the relationship with the performance indicators of the enterprise. The directions of scientific research on labor regulation are also displayed.

Keywords: regulation, labor regulation, process, mechanism of labor regulation implementation.

УДК 330.101.5

СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Н. В. Яцевич

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и информационных технологий
Гомельский филиал Международного университета «МИТСО»

В статье представлены научные подходы отдельных российских ученых к изучению сущности предпринимательства и определению ключевых понятий «предприниматель» и «предпринимательство». Обобщив итоги научных поисков в исследуемых публикациях, определено, что «ядро» предпринимательства, как социально-экономического феномена, составляют следующие компоненты, тесно взаимосвязанные между собой: личность предпринимателя, предпринимательские действия, предпринимательская среда.

Ключевые слова: предпринимательство, предприниматель, предпринимательские действия, предпринимательская деятельность, предпринимательская среда, теория предпринимательства, личность предпринимателя.

Введение

На современном этапе развития экономической науки происходят определенные эволюционные трансформации методологических подходов к решению проблем совершенствования экономических и социальных систем и отношений. Важным представляется поиск новых научных инструментов, позволяющих развить и концептуально переосмыслить сущность предпринимательства как социально-экономической категории, играющей ключевую роль в общественном разделении труда. Для приращения нового знания в данной сфере важно объективно оценить имеющиеся теоретические положения, отражающие сущность и основные подходы к интерпретации понятий «предпринимательство» и «предприниматель». По нашему мнению, объективно значимый вклад в развитие теоретических подходов в исследовании предпринимательства, актуальных для творческого переосмысления в белорусской экономической науке, внесли российские ученые. В этой связи рассмотрим опыт отдельных российских исследователей в осуществлении научного поиска по данному предмету изучения.

Основная часть

Представитель геополитического научного течения евразийства – П. Н. Савицкий рассматривал в рамках евразийской доктрины экономические вопросы, связанные с исследованием хозяйственной деятельности человека. В качестве главного действующего лица в учении о хозяйстве Савицкий называет «хозяина». Он отмечает, что «относиться к делу по-предпринимательски и по-хозяйски – это вовсе не одно и то же. Нужно отличать предпринимательство как определенную эмпирическую хозяйственно-экономическую функцию и как особую духовно-экономическую сущность. Хозяин же есть именно только духовно-хозяйственная сущность» [1, с. 218]. Причем автор предлагает утвердить такую категорию, как «добрый хозяин», который убежден, что основа хозяйства – люди, которые в нем работают, а своей целью он ставит «обеспечить материальные основы жизни этих людей». «Крупный предприниматель, являющийся добрым хозяином, главное свое богатство полагает в создавшемся в его хо-

зайстве подборе служащих и рабочих» [1, с. 220]. Свою систему воззрений Савицкий называет «хозяйнодержавие», одной из задач которых является утверждение личности в хозяйстве.

Обратимся к работе Г. К. Гинса «Предприниматель», впервые изданной 1940 г. в Китае в г. Харбин. Г. К. Гинс, проведя исследование сущности предпринимательства, обращает особое внимание на психологические аспекты и определяет характерные особенности человека с предпринимательскими способностями. Так, такой человек борется за успех, творит, совершенствует, улучшает, рискует, комбинирует [2, с. 14]. «Созидательная сила вместе со стремлением к прибыли и риском убытков составляет существенные особенности предпринимателя» [2, с. 21]. Автор отмечает, что предприниматель – разновидность хозяина, именно хозяина, а не собственника. Предпринимателем Г. К. Гинс называет такого хозяина, который отступает от рутины, вводит новые хозяйственные комбинации, осуществляет новые планы. С психологической точки зрения предпринимателем является человек со свободной инициативой, рискующий своими средствами ради получения выгодного хозяйственного результата [2, с. 21–22]. Автор также называет предпринимателя особым типом новатора в хозяйстве, который обладает особыми свойствами предвидения, инициативы и уверенности [2, с. 32]. Г. К. Гинс уделяет внимание понятию предприимчивости. «Предприимчивость в области хозяйства, выражающаяся в осуществлении плана и организации, носит название предпринимательства» [2, с. 32].

Среди современных российских ученых, исследующих сущность понятия предпринимательства, по нашему мнению, стоит выделить Ю. В. Тарануху. Позиция автора относительно сущности предпринимательства следующая. Ю. В. Тарануха утверждает, что в настоящее время господствует воззрение, согласно которому предпринимательство трактуется как особый вид деятельности [3, с. 24]. Автор полемизирует с данной трактовкой и отмечает собственную точку зрения на данное определение, согласно которой предпринимательство представляет собой *хозяйственное поведение*, направленное на извлечение экономической выгоды посредством осуществления рыночных операций [3, с. 25]. В данной трактовке автор концентрирует внимание на том, что предпринимательство представляет собой именно *тип хозяйственного поведения*, который в отличие от трактовок предпринимательства как *особого вида деятельности* основан на «способности хозяйствующего субъекта реагировать на источник выгоды, т. е. увидеть и реализовать открывшиеся на рынке возможности к собственной выгоде» [3, с. 25].

С нашей точки зрения, автор прав, утверждая, что категория «вид деятельности» относится к функциональной специфике деятельности лиц, занятых предпринимательством, но не раскрывает суть данного явления. Действительно, предпринимательство развивается в разных сферах хозяйственной жизни и включает многообразие видов деятельности предпринимателей в различных отраслях, что не позволяет сузить трактовку термина «предпринимательство» к определению «особый вид деятельности». «Поведенческая трактовка» Ю. В. Таранухи также, по нашему мнению, требует уточнения. Так, «поведение, направленное на извлечение экономической выгоды», характерно не только для предпринимателей, но и для всех субъектов хозяйственных отношений.

В коллективной монографии В. В. Трошихин, Е. В. Матузенко и Л. И. Нестерова рассматривают предпринимательство как многоаспектный процесс и предлагают определение понятия «*предпринимательская деятельность*» как синтез двух составляющих: *предпринимательства*, носителем которого является индивидуум, создающий образ предполагаемого действия, и *реализующей акции*, которая преобразуется в практические действия по достижению результата предпринимательской деятельности, который может быть материальным или духовным. Кроме предпринимательской

акции и предпринимательского результата авторы включают в предпринимательскую деятельность также третий элемент: предпринимательскую компоненту, впрочем, не уточняя ее смысловое содержание [4, с. 41–42]. Особым и неотъемлемым свойством предпринимательства авторы называют риск и вероятность потери вложенных инвестиций в условиях динамично и непредсказуемо меняющейся экономической ситуации [4, с. 49]. Отметим, что В. В. Трошихин и соавторы выделяют социокультурную составляющую предпринимательства и в целом предлагают *социокультурный подход* к определению предпринимательства наряду с экономическим. В рамках данного подхода они выделяют три уровня в осмыслении предпринимательства. Первый уровень включает в себя наиболее широкое осмысление предпринимательства, связанное с личностными качествами предпринимателя, обладающего активной жизненной позицией, направленной на оптимизацию деятельности по получению выгоды. Второй уровень ассоциируется с активной инвестиционной деятельностью, предполагающей вложение разнообразных ресурсов, в том числе и предпринимательские способности. Третий уровень авторы наделяют узким смыслом, характеризующим небольшой масштаб ведения бизнеса [4, с. 51].

А. М. Чернопятав отмечает, что понятия «предпринимательство» и «предпринимательская деятельность» употребляют тогда, когда имеют дело не с традиционным бизнесом, а с новаторской инновационной деятельностью в бизнесе. «Предпринимательство – это вид деятельности по соединению и использованию различных экономических ресурсов для получения дохода и бизнеса» [5, с. 8]. Автор также дает следующее определение предпринимательства: «особый вид человеческого капитала, представленного деятельностью по координации и комбинированию всех других факторов производства в целях создания новых видов товаров и услуг (экономических благ)» [5, с. 10–11]. Главным в предпринимательстве автор называет умение и желание внедрять в производство новые виды продукта, передовые технологии, современные формы организации бизнеса, при этом всегда присутствует риск. Предприниматель – это индивидуум, на свой страх и риск занимающийся хозяйственной деятельностью [5, с. 10–11]. А. М. Чернопятав отмечает, что специфика предпринимательства как явления хозяйственной деятельности выражается в непрерывно осуществляемой цепи обменных операций. В обмене предпринимательство идентифицирует себя как особый тип хозяйственного поведения. По мнению автора, обмен выступает исходным и конечным пунктами предпринимательства. В процессе обмена предприниматель усматривает источник возможной выгоды, являющейся одновременно и мотивом и оценкой успеха предпринятой им инициативы. Кроме того, сталкиваясь в процессе обмена с подобными себе лицами, предприниматель воспринимает свою деятельность как состязательную [5, с. 26].

Далее А. М. Чернопятав в том же исследовании приводит следующую трактовку предпринимательства – это осуществляемая посредством рыночного обмена и направленная на завоевание конкурентных преимуществ хозяйственная деятельность, ведущаяся с целью извлечения дохода и приумножения собственности [5, с. 38]. Автор отмечает, что предпринимательство как функция существует только при наличии конкурентных условий, а деятельность вне конкурентных условий лишена как содержания, так и признаков (инициатива, риск, новаторство) предпринимательства, и «сродни хозяйствованию феодала, заботящегося о сборе оброка». Обретение предпринимательской выгоды есть результат реализованных конкурентных преимуществ, которые и должны рассматриваться в качестве основополагающих принципов при разработке политики развития предпринимательства [5, с. 38].

С. И. Кретов рассматривает понятия «предпринимательство» и «бизнес» не как идентичные и тем не менее считает, что схоластический спор о том, что есть пред-

принимательство, а что есть бизнес, бессмыслен. На первый план развития предпринимательства он выносит роль личности предпринимателя, способного «взвалить на свои плечи риск и ответственность за все дело» [6, с. 44]. По мнению автора, предпринимательство следует понимать не как стремление получить большие доходы, а как способ мышления инициативного человека, который быстро мобилизует имеющиеся у него ресурсы на организацию производства в какой-либо сверх прибыльной сфере или отрасли [6, с. 45]. Предпринимательство ориентировано на прогноз будущего повышенного спроса и связано с риском угадать этот спрос. Сравнивая понятия «предпринимательство» и «бизнес», С. И. Кретов отмечает, что «бизнес похож на хорошую домовитую жену, которая не гоняется за журавлем в небе, зато надежно держит в руках свою синицу. Предпринимательство – это стремительный горный поток, для которого главной целью является процесс движения. Однако этот поток может не только вращать турбины, но и разрушать города, если вырвется из своего русла» [6, с. 46].

Ю. Б. Рубин, анализируя систему конкурентных действий участников рынка, к которым он относит предпринимательские структуры, отмечает, что основу предпринимательской деятельности составляет принцип опережения конкурентов. Автор считает, что данный принцип также образует содержание таких понятий, как «предпринимательство», «предприимчивость», «предприятие», «предприниматель». «Именно в наступлении на позиции соперников, предпринимаемом участниками рынка, в стремлении опередить конкурентов во взаимодействии с ними и нанесении первого удара по их позициям наиболее последовательно проявляется сама идея предпринимательства» [7, с. 121].

Д. И. Правдин и соавторы учебного пособия «Рыночное предпринимательство: теоретические основы и практика регулирования» [8] называют предпринимателя главной фигурой рыночной экономики и, полемизируя с К. Макконнеллом и С. Брю, авторами книги «Экономикс. Принципы, проблемы и политика», отмечают, что определение предпринимательской способности как способности человека использовать определенное сочетание ресурсов для производства товара, принимать последовательные решения, создавать новшества и идти на риск не помогает уяснить сущности предпринимательства. Это связано с тем, что предпринимательство, по мнению авторов, это не столько способность, сколько деятельность, хотя признают, что без способности никакой деятельности быть не может [8, с. 43]. Авторы также не согласны с Й. Шумпетером, который рассматривал предпринимателя как новатора. Данный социальный типаж, по их мнению, не соответствует действительности. В истории зарождения и эволюции предпринимательства предприниматель далеко не всегда был «творцом» и «новатором» [8, с. 44]. Авторы отмечают, что предприниматель – это не профессия, а скорее «социальная выскочка», порождаемая комбинацией социальных сил и социальных обстоятельств, но не специальным обучением или опытом практической работы. Предпринимательство представляет собой не профессиональное, а социальное свойство экономической деятельности конкретного лица [8, с. 44–45]. Авторы также определяют отличительные черты предпринимателя от других хозяйствующих субъектов, в частности, отмечают, что предпринимательство является частным и особым видом бизнеса, отличающимся постоянством получения дохода (прибыли) из деятельности учрежденного (созданного) и действующего предприятия (фирмы) [8, с. 47]. Авторы считают, что предприниматели не выполняют коммерческих функций, а выделяют часть дохода посредникам, а также далеки от спекуляции. Д. И. Правдин дает следующее определение предпринимательству: деятельность, которая связана с вложением средств в целях получения прибыли на основе сочетания личной выгоды с общественной пользой [8, с. 48]. По мнению авторов пособия, общественная польза не является непосредственной целью предпринимательства, но она всегда должна подразумеваться

и служить конечным ориентиром как необходимое условие получения прибыли. Следует также отметить мнение авторов, что в качестве предпринимателей могут выступать частные лица, группы лиц, акционерные общества, трудовые коллективы, а также государственные предприятия и различные общественные организации [8, с. 48].

Многие ученые-историки обращаются к исследованию вопросов предпринимательства, его роли в экономической истории государств и закономерностей развития. Так, в своей монографии В. А. Динес и В. И. Ткачев провели исследование зарождения и развития предпринимательства в России [9], в том числе его роль в формировании промышленности, торговли, а также развития внешнеэкономических связей государства. Авторы провели не только историческое исследование предпринимательства в России, но и исследовали сущность данного понятия, а также предложили собственную формулировку термина. Так, по определению авторов, предпринимательство – это экономически свободная новаторская деятельность, связанная с риском, ответственностью и конкурентной борьбой, имеющая цель не только получение прибыли, а достижение новых результатов, удовлетворение не только личных, но и общественных потребностей [9, с. 17].

Заключение

Обобщим научные представления о сущности понятий «предприниматель» и «предпринимательство», изложенные в рассмотренных публикациях российских ученых.

1. Важно отметить, что в основе предпринимательства, как социально-экономического феномена, лежит *личность предпринимателя* и ее роль в предпринимательском процессе. Так, предприниматель выступает в роли «хозяина» (П. Н. Савицкий, Г. К. Гинс), который берет на себя функции соединения основных факторов производства (труд, капитал, земля), их эффективного комбинирования и координации с целью получения нового продукта или блага, которое в результате рыночного обмена (по А. М. Чернопятову, обмен является исходным и конечным пунктом предпринимательства) приносит ему предпринимательский доход. При этом предприниматель обеспечивает не только себя, но и людей, которые работают у него в найме, что отражает не только его хозяйственно-экономическую, но определенным образом и духовно-экономическую сущность (П. Н. Савицкий), поскольку таким образом предприниматель играет важную социальную роль в обществе. Отметим, что многими авторами отмечается роль предпринимателя в обществе. Например, общественная польза как конечный ориентир деятельности предпринимателей отмечается Д. И. Правдиным, а В. А. Динес и В. И. Ткачев одной из целей предпринимательства называют удовлетворение общественных потребностей.

Личность предпринимателя отличается определенными психологическими особенностями (Г. К. Гинс), что отличает его от людей, не обладающих предпринимательскими способностями. В частности, это склонность к риску, к конкурентной борьбе, способность к осуществлению новых комбинаций и осуществлению новаций (А. М. Чернопятов), способность реагировать на источник выгоды (Ю. В. Тарануха), инициативность и способность быстро мобилизовать имеющиеся ресурсы (С. И. Крегов). Все эти особенности формируют своеобразное предпринимательское мышление и предпринимательское поведение (Ю. В. Тарануха).

2. Кроме непосредственно предпринимателя как носителя предпринимательского поведения, в основе предпринимательства лежат определенные *предпринимательские действия* (по определению В. В. Трошихина и др. – реализующие акции), которые в совокупности формируют, по нашему мнению, такое экономическое явление, как «предпринимательская деятельность».

В основе предпринимательской деятельности, по мнению Ю. Б. Рубина, лежит стремление опережения конкурентов. Особенностью предпринимательской деятельности Д. И. Правдин с соавторами называют социальное, а не профессиональное ее свойство, поскольку предприниматель, как отмечают авторы, – это не профессия, а скорее «социальная выскочка». Отметим, что, по нашему мнению, не только комбинация социальных сил и социальных обстоятельств приводят личность к предпринимательской деятельности, как отмечают авторы, но и само предпринимательство выступает определенным «социальным лифтом», который позволяет человеку подняться в своем социуме на более высокий социальный уровень, что не менее важно, чем получение материального вознаграждения за предпринимательскую деятельность.

3. Предпринимательство как социально-экономическое явление, по нашему мнению, может характеризоваться наличием определенной *предпринимательской среды*. Данную предпринимательскую среду можно охарактеризовать как конкурентную, инновационную, рисковую, неопределенную, динамично развивающуюся. Она в совокупности создает внешнюю среду, в которой осуществляется предпринимательская деятельность. Данная среда формируется как институциональными условиями и особенностями государственного регулирования, так и совокупностью имеющихся конкурентных и отраслевых обстоятельств, сложившихся на рынке. Как отмечает А. М. Чернопятов, при отсутствии конкурентных условий предпринимательская деятельность лишена своего содержания и признаков, к которым, повторимся, автор относит инициативу, риск и новаторство.

Таким образом, предпринимательство как социально-экономическая категория может иметь широкий спектр определений и подходов относительно своей природы и сущности. Развитие экономических отношений и появление многообразных форм предпринимательских действий также приводит к появлению новых научных представлений, что обусловлено и творческой, инновационной составляющей предпринимательства как феномена экономической жизни. Важно, учитывая и систематизируя накопленный опыт научных исследований в данной предметной области, развивать отечественные представления относительно содержания и сущности предпринимательства с учетом современной трансформации социально-экономической ситуации в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Савицкий, П. Н.* Континет Евразия / П. Н. Савицкий. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.
2. *Гинс, Г. К.* Предприниматель / Г. К. Гинс. – М. : Посев, 1992. – 223 с.
3. *Тарануха, Ю.* Постсоветский феномен номенклатурного предпринимательства: причины формирования и пути преодоления / Ю. Тарануха // Экономист. – 2016. – № 8. – С. 24–41.
4. *Трошихин, В. В.* Кооперативное предпринимательство как институт социального развития: монография / В. В. Трошихин, Е. В. Матузенко, Л. И. Нестерова. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2014. – 512 с.
5. *Чернопятов, А. М.* Роль государства в регулировании предпринимательской деятельности в Российской Федерации: монография / А. М. Чернопятов. – М. : Изд-во «Палеотип», 2014. – 100 с.
6. *Кретов, С. И.* Предпринимательство: сущность, директивы и перспективы / С. И. Кретов. – М. : Знание, 1992. – 64 с.
7. *Рубин, Ю. Б.* Система конкурентных действий участников рынка / Ю. Б. Рубин // Современная конкуренция. – 2014. – № 3. – С. 113–142.
8. Рыночное предпринимательство: теоретические основы и практика регулирования : учеб. пособие / рук. авт. колл. Д. И. Правдин. – М. : Институт международного права и экономики, 1994. – 268 с.
9. *Динес, В. А.* История предпринимательства в России (IX – начало XX века) / В. А. Динес, В. И. Ткачев. – Саратов : Саратовский государственный социально-экономический университет, 2011. – 528 с.

Поступила в редакцию 4.06.2024 г.

Контакты: natyatsevich@yandex.ru (Яцевич Наталья Владимировна).

***Yatsevich N. V.* CONTENT OF THE ENTREPRENEURSHIP CATEGORY:
REVIEW OF THE RUSSIAN SCHOLARS' RESEARCH**

The article presents the scientific approaches of individual Russian scholars to the essence of entrepreneurship and the key concepts of «entrepreneur» and «entrepreneurship». Summarizing the results of scientific research in the publications under study, it is determined that the «core» of entrepreneurship, as a socio-economic phenomenon, consists of the following components, which are closely interconnected: the personality of the entrepreneur, entrepreneurial actions, and the entrepreneurial environment.

Keywords: entrepreneurship, entrepreneur, entrepreneurial actions, entrepreneurial activity, entrepreneurial environment, theory of entrepreneurship, personality of entrepreneur, social elevator.

УДК 316.658+001.38

ПРЕСТИЖНОСТЬ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Е. В. Мартищенко

научный сотрудник

Институт социологии НАН Беларуси

Э. М. Щурок

научный сотрудник

Институт социологии НАН Беларуси

В статье представлены результаты социологического опроса, одной из целей которого являлось изучение престижности профессии ученого в белорусском обществе. Основной фокус внимания авторов статьи сосредоточен на анализе восприятия белорусскими учеными своей деятельности по критериям общественной полезности и престижности.

Ключевые слова: наука, социологический опрос, престиж, имидж, общественная полезность.

Введение

В условиях экономики знаний образование и наука становятся стратегически важными направлениями социального развития и одними из важнейших социальных институтов современного общества. В свою очередь полноценное и продуктивное развитие науки невозможно без позитивного имиджа науки и ученого в обществе. Популяризация достижений науки, рост имиджа и статуса интеллектуальной деятельности, формирование инновационной культуры общества относится к числу приоритетных задач, которые призвана решать белорусская наука [1]. Позитивный имидж – это полезный и ценный инструмент для позиционирования, развития и продвижения в любой сфере деятельности. Имидж науки строится, прежде всего, на представлениях о достижениях ученых, а социальный имидж науки – на представлениях о современном состоянии профессионального научного сообщества, о событиях, происходящих в нем, об отношениях, складывающихся внутри научного сообщества, а также между наукой, обществом и государством.

Основными компонентами формирования имиджа науки, на наш взгляд, прежде всего являются такие, как уровень престижности профессии ученого в обществе и полезность для общества результатов научной деятельности, которые в свою очередь напрямую зависят и от восприятия своей деятельности самими учеными. Престижность той или иной профессии формируется в общественном сознании в результате оценки личностью, институтами гражданского общества, структурами публичной власти объективных различий в степенях сложности, востребованности социумом разных видов трудовой деятельности, необходимых для уверенного овладения ими уровней образования, жизненного опыта, материального и морального вознаграждения, стимулирования, персональной ответственности соответствующих работников-профессионалов [2, с. 145]. При этом зачастую мы можем наблюдать противоречивое отношение к научной сфере, что подтверждается результатами многочисленных исследований по данной тематике. Так, в работах российских исследователей отмечается, что «с одной стороны, население дает высокую оценку профессионального уровня российских ученых, верит

в то, что наука и техника смогут решить большую часть экономических и социальных проблем, с которыми сегодня сталкиваются люди. С другой стороны, наблюдается дистанцированность большинства населения от науки, восприятие ее как около государственной сферы, а в личном отношении это проявляется в слабом интересе к научным открытиям и новым технологиям, невысоком уровне научной грамотности и низком престиже научной деятельности» [3, с. 19]. Исходя из имеющихся противоречий и возрастает значимость проведения мероприятий, направленных не только на повышение роли науки и престижности профессии ученого в обществе, но и на популяризацию научной сферы в общественном сознании населения и формировании позитивного общественного мнения о науке.

Основная часть

С целью изучения престижности профессии ученого в белорусском обществе, перспектив развития белорусской науки, а также вопросов социального и профессионального положения научных работников, в октябре–ноябре 2022 года Институтом социологии НАН Беларуси проведен социологический опрос ученых в области естественных, социально-гуманитарных, технических и других наук. Достигнутая выборочная совокупность исследования составила 366 научных работников из 50 государственных научных учреждений и институтов в разрезе отделений НАН Беларуси: отделение физики, математики и информатики (ОФМИ) – 15,2% (56 исследователей); отделение физико-технических наук (ОФТН) – 25,1% (92 исследователя); отделение химии и наук о Земле (ОХНЗ) – 10,5% (38 исследователей); отделение биологических наук (ОБН) – 12,6% (46 исследователей); отделение медицинских наук (ОМН) – 3,0% (11 исследователей); отделение гуманитарных наук и искусств (ОГНИ) – 10,6% (39 исследователей); отделение аграрных наук (ОАН) – 23,0% (84 исследователя).

Одной из задач настоящего исследования являлась оценка восприятия учеными своей деятельности по критериям общественной полезности, престижности (признание в обществе, статус, условия и уровень оплаты труда и т. п.). С этой целью в инструментарий исследования был включен вопрос: «Считаете ли Вы профессию ученого престижной в Беларуси?». Распределение ответов опрошенных ученых представлено на рисунке 1.

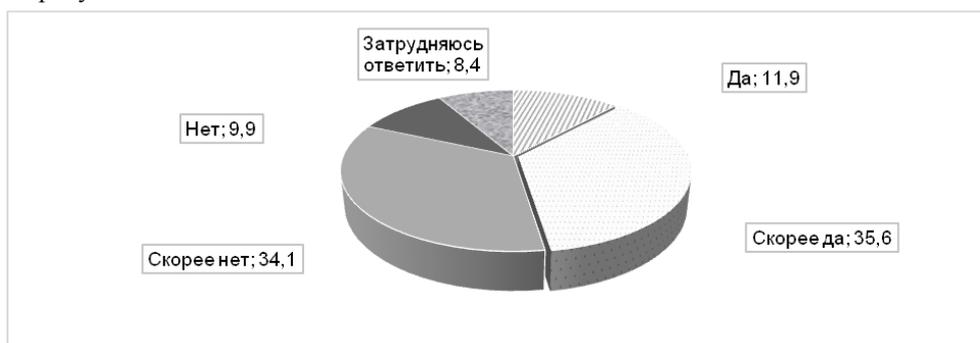

Рисунок 1. Оценки ученых престижности своей профессии в Беларуси, в %

Как видно на рисунке, мнения ученых разделились на две практически равные группы (без учета 8,4% затруднившихся с ответом) – 47,5% опрошенных исследователей считают профессию ученого престижной в Беларуси (варианты ответа «да» и «скорее да»), а 44,0% придерживаются противоположного мнения (варианты ответа «нет» и «скорее нет»).

По данному вопросу выявлены существенные, статистически значимые различия в оценках респондентов в зависимости от отделений наук, в которых они занимаются исследованиями. Так чаще, чем в среднем по выборочной совокупности мнения о том, что профессия ученого является престижной в Беларуси встречались среди исследователей ОМН (69,1%), ОБН (54,2%) и ОАН (51,3%). Противоположного мнения (не считают престижной) чаще других придерживались исследователи ОФМИ (52,6%) и ОГНИ (52,3%).

В ходе опроса респондентам, которые считают профессию ученого престижной в Беларуси было предложено назвать факторы и условия профессиональной деятельности, которые подтверждают их мнение (рис. 2).

Рисунок 2. Факторы и условия профессиональной деятельности, которые подтверждают престижность профессии ученого в Беларуси, в %¹

Наиболее часто (более 50%) опрошенные исследователи отмечали следующие:

- в научной сфере больше возможностей для общения с интеллектуальной элитой общества;
- в научной сфере больше возможностей для самореализации творческого потенциала;
- ученые вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие страны.

В то же время такие факторы и условия профессиональной деятельности, как возможности для быстрого карьерного роста в научной сфере, а также уровень оплаты труда ученых были отмечены достаточно небольшим количеством респондентов – 11,5% и 5,0%, соответственно.

Еще одним индикатором определения престижности профессии ученого в Беларуси, на наш взгляд, могут служить оценки исследователей академии наук полезности

¹ При ответе на данный вопрос респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

и нужности обществу результатов их труда. В ходе опроса респондентам задавался вопрос: «Ощущаете ли Вы себя как ученый нужным обществу?». Полученные результаты особого оптимизма в данном контексте не вызывают (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос «Ощущаете ли Вы себя как ученый нужным обществу?», в разрезе академических отделений наук, в %

Варианты ответа	Всего	в том числе по отделениям:						
		ОФМИ	ОФТН	ОХНЗ	ОБН	ОМН	ОГНИ	ОАН
Да	15,0	11,3	12,3	7,0	22,7	19,3	18,9	17,3
Скорее да	33,7	25,8	31,6	36,1	34,9	46,3	42,1	33,6
<i>Утвердительно</i>	<i>48,7</i>	<i>37,1</i>	<i>43,9</i>	<i>43,1</i>	<i>57,6</i>	<i>65,6</i>	<i>61,0</i>	<i>50,9</i>
Скорее нет	26,2	31,2	30,5	21,5	24,2	8,6	22,7	25,5
Нет	6,4	9,0	7,0	11,1	8,1	0,0	4,9	2,6
<i>Отрицательно</i>	<i>32,6</i>	<i>40,2</i>	<i>37,5</i>	<i>32,6</i>	<i>32,3</i>	<i>8,6</i>	<i>27,6</i>	<i>28,1</i>
Загрудняюсь ответить	18,7	22,7	18,5	24,3	10,1	25,8	11,3	20,9

В целом по выборочной совокупности в той или иной степени утвердительно на данный вопрос ответили только 48,7% опрошенных исследователей, отрицательно – 32,6% и 18,7% не смогли оценить свою нужность обществу как ученые.

В разрезе академических отделений наук выявлены существенные различия в оценках опрошенных полезности и нужности обществу результатов их труда. Так, чаще других полезными для общества ощущают себя научные работники отделения медицинских наук (65,6%), отделения гуманитарных наук и искусств (61,0%), биологических наук (57,6%). Особо отметим, что только половина исследователей (50,9%) отделения аграрных наук считают, что как ученые они нужны нашему обществу, приблизительно 1/3 – придерживается противоположного мнения и 20,9% не смогли дать оценки вообще. Хотя, на наш взгляд, в свете последних событий и мировой ситуации в целом, продовольственная безопасность стран выходит на первые позиции по важности и, соответственно, среди аграриев оценки полезности для общества своего труда должны были бы быть более высокими, если не максимальными.

Больше всего отрицательных ответов на данный вопрос выявлено среди ученых отделений физики, математики и информатики (40,2%) и физико-технических наук (37,5%). Что тоже выглядит достаточно странным – ведь разработки ученых технической направленности используются во всех отраслях экономики любой страны.

В ходе исследования фокус нашего исследования был также обращен и на такой аспект профессиональной деятельности, как наличие призвания (призвание (от латинского «vocatio» – призыв, вызов) – это внутреннее влечение к какому-нибудь делу, какой-нибудь профессии (при обладании или при убеждении в обладании нужными для того способностями)) к научной деятельности. Изучением феномена призвания занимались многие зарубежные, российские и белорусские ученые. Одни в своих работах основной акцент делали на этические аспекты призвания [4, с. 96; 5, с. 509], другие предписывали призванию социальные функции и рассматривали его как инструмент поиска своего места в обществе [6; 7, с. 524]. Но все они сходились в одном – именно наличие (или отсутствие) способностей к осуществлению научной деятельности оказывает прямое влияние на продуктивность труда ученого.

В таблице 2 представлено распределение ответов опрошенных представителей академической науки на вопрос «Считаете ли Вы, что научная деятельность – это Ваше призвание?».

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что научная деятельность – это Ваше призвание?», в разрезе академических отделений наук, в %

Варианты ответа	Всего	в том числе по отделениям:						
		ОФМИ	ОФТН	ОХНЗ	ОБН	ОМН	ОГНИ	ОАН
Да	25,9	18,9	20,7	20,2	28,7	34,7	48,7	25,3
Скорее да	45,1	46,4	41,7	50,0	51,0	56,7	46,4	40,5
<i>Утвердительно</i>	<i>71,0</i>	<i>65,3</i>	<i>62,4</i>	<i>70,2</i>	<i>79,7</i>	<i>91,4</i>	<i>95,1</i>	<i>65,8</i>
Скорее нет	10,3	9,0	15,0	13,9	8,1	0,0	2,4	10,3
Нет	1,5	3,7	2,8	0,0	2,0	0,0	0,0	0,0
<i>Отрицательно</i>	<i>11,8</i>	<i>12,7</i>	<i>17,8</i>	<i>13,9</i>	<i>10,1</i>	<i>0,0</i>	<i>2,4</i>	<i>10,3</i>
Затрудняюсь ответить	17,3	22,1	19,7	15,9	10,2	8,6	2,4	23,9

По данным таблицы 2 мы видим, что исследователи отделений медицинских и гуманитарных наук в подавляющем большинстве считают научную деятельность своим призванием (91,4% и 95,1%, соответственно). В то время как среди исследователей других отделений утвердительные в той или иной степени ответы на данный вопрос встречались гораздо реже – от 62,4% среди опрошенных отделения физико-технических наук до 79,7% в отделении биологических наук. Стоит обратить внимание на 17,8% исследователей ОФТН, которые не считают научную деятельность своим призванием, т. е. получается, что они занимаются мягко говоря «нелюбимым делом» и ожидать каких-либо серьезных успехов от этой части исследователей точно не приходится. Особенно, с учетом того, что, скорее всего все они не ощущают себя нужными обществу как ученые (см. таблицу 1).

Одним из факторов осуществления плодотворной профессиональной деятельности учеными является их восприятие как общего состояния научной сферы той области белорусской науки, в которой научный работник проводит исследования, непосредственного места работы, так и ближайших перспектив личной профессиональной деятельности.

Следует отметить, что в целом респонденты по всем рассматриваемым позициям поставили оценки выше среднего. Достаточно высоко оценивают научные сотрудники современное состояние той области науки, в которой они проводят исследования (средний балл 7,0). Такие же оценки были поставлены и состоянию научной организации и конкретной лаборатории (или отделу, сектору), в которой респондент работает (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Оцените от 1 до 10, насколько хорошо обстоят дела и насколько хороши перспективы в Вашей области деятельности, в Вашей организации, отделе и у Вас лично?»

Оцениваемые позиции	Оценка общего состояния дел, средний балл	Оценка перспектив, средний балл
1. Области науки, в которой Вы проводите исследования	7,0	7,3
Доктор наук	7,3	7,8
Кандидат наук	7,2	7,1
Без ученой степени	7,0	7,4
2. В Вашей научной организации	6,9	7,2
Доктор наук	6,7	6,9
Кандидат наук	7,0	7,0
Без ученой степени	6,9	7,3

Окончание таблицы 3

Оцениваемые позиции	Оценка общего состояния дел, средний балл	Оценка перспектив, средний балл
3. В Вашей лаборатории (отделе, секторе)	7,1	7,3
Доктор наук	7,6	7,1
Кандидат наук	7,4	7,3
Без ученой степени	7,0	7,3
4. Себя в науке	6,6	6,9
Доктор наук	7,3	7,0
Кандидат наук	7,1	7,1
Без ученой степени	6,4	6,9

Следует отметить, что научные сотрудники отделения биологических наук и отделения медицинских наук выше (7,6 и 7,7 баллов соответственно) оценили состояние своего научного направления по сравнению с представителями других академических отделений. Научные работники отделения гуманитарных наук высоко оценили положение дел в собственной научной организации и отделе (секторе) (средний балл 7,7), при этом состоянию области общественных и гуманитарных наук в стране в среднем поставили оценку в 6,7 баллов.

Оценка личного положения в науке себя как ученого в целом среди опрошенных научных работников несколько ниже, но незначительно – средний балл составил 6,6. Самооценка опрошенных себя как ученых в науке имеет тенденции к снижению с понижением уровня ученой степени, либо ее отсутствия. Так, если доктора наук поставили в среднем оценку своему личному положению в научной сфере 7,3 балла, кандидаты наук – 7,1 балл, то научные работники без ученой степени оценили свое положение в науке на 6,4 балла (таблица 3).

Среди представителей гуманитарных наук были получены более высокие баллы их самооценки себя как ученых в научной сфере (средний балл 7,5).

Заслуживает внимания тот факт, что респонденты при оценивании перспектив дальнейшего развития состояния всей научной сферы в целом и себя как ученого в частности дают оптимистичные оценки (таблица 3). Доктора наук более положительно рассматривают перспективы развития науки в целом (средний балл 7,8), при этом кандидаты наук дали оценку в 7,1 балла, и 7,4 балла поставили будущему развитию сферы науки сотрудники без ученой степени.

Участники опроса большие надежды связывают и с перспективами развития своей научной организации и своего непосредственного места работы, оценив в среднем на 7,2 и 7,3 баллов соответственно. При этом значительно выше рассматривают перспективы развития и своей научной организации, и непосредственного структурного подразделения научные сотрудники отделения гуманитарных наук (7,8 и 7,9 баллов соответственно), а также представители отделения биологических наук (7,5 и 7,6 баллов соответственно). Несколько пессимистичнее оценки наблюдаются по поводу будущего развития научной организации у сотрудников отделения физики, математики и информатики и отделения физико-технических наук (средние баллы равны 6,9).

Свои личные перспективы высоко оценили научные работники отделения медицинских наук – 8,1 балла, отделения гуманитарных наук и искусств – 8,0 баллов и биологических наук – 7,5 баллов. Менее оптимистично оценили личностные перспективы представители отделения физики, математики и информатики и отделения аграрных наук, средний балл у которых оказался на уровне 6,4 и 6,6 соответственно.

Необходимо отметить, что достаточно высоко респондентами оцениваются перспективы тех сторон научной деятельности, которые непосредственно зависят от личности ученого: возможности научно-профессионального роста и участия в работе над крупным исследовательским проектом (таблица 4). Так, третья часть респондентов (32,4 %) высоко и еще почти половина (48,4 %) средне оценивают перспективы своего научного профессионального роста. Высокие надежды связывают научные работники академических организаций и с возможностью работы над крупным исследовательским проектом (19,9 % высоко и 35,6 % средне оценили данную перспективу).

Опрос показал, что значительная часть респондентов рассматривает научную сферу как место, где возможна успешная профессиональная карьера. Перспективы своего продвижения по служебной лестнице 41,5 % респондентов оценили средне и 15,4 % высоко, при этом пятая часть научных работников не смогла дать оценку этому фактору профессиональной деятельности. Однако перспективы повышения зарплаты 31,8 % респондентов оценивают низко, а 38,0 % – средне. Только 10,3 % академических ученых высоко оценивают возможности повышения оплаты труда (таблица 4).

Таблица 4 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете свои перспективы в Вашем институте?» (% от ответивших)

Перспективы	Высоко	Средне	Низко	Затрудняюсь ответить
Должностного продвижения	15,4	41,5	23,6	19,5
Научно-профессионального роста	32,4	48,4	9,8	9,4
Повышения зарплаты	10,3	38,0	31,8	20,0
Выезда за рубеж для научной работы	4,4	15,0	56,3	24,2
Работы над крупным исследовательским проектом	19,9	35,6	28,7	15,8
Решения жилищной проблемы	10,1	11,9	51,4	26,6

Важным фактором для достижения значимых успехов в своей научно-исследовательской деятельности выступает совершенствование знаний, навыков, умений, т. е. постоянное повышение квалификации, возможности обучения за границей, прохождения зарубежных стажировок, наличие разносторонних зарубежных научных мероприятий. Однако перспективы выезда за рубеж для научной работы 56,3 % респондентов оценивают низко и еще почти четверть затруднились дать оценку этому фактору научной деятельности.

В большей степени пессимистично оценивают научные работники НАН Беларуси перспективы решения своих жилищных вопросов (51,4 % респондентов дали низкую оценку). Только каждый десятый участник опроса (10,1 %) высоко расценивает возможность решения «квартирного вопроса», и примерно такая же доля респондентов (11,9 %) дала среднюю оценку разрешения данного вопроса.

Обратим внимание еще на один немаловажный в данном контексте аспект – это готовность ученых передавать свой интерес к науке и профессиональный опыт детям (или внукам). При ответе на вопрос: «Хотели бы Вы, что Ваши дети (внуки) выбрали для себя в будущем профессию ученого?» респонденты разделились на три примерно равные группы – 1/3 в той или иной степени хотят, чтобы дети пошли по их стопам и выбрали профессию ученого (варианты ответа «да» и «скорее да»), 1/3 не склонна поддерживать подобный выбор детей (варианты ответа «нет» и «скорее нет»), и 1/3 не смогла четко определить свою позицию в данном вопросе (рис. 3).

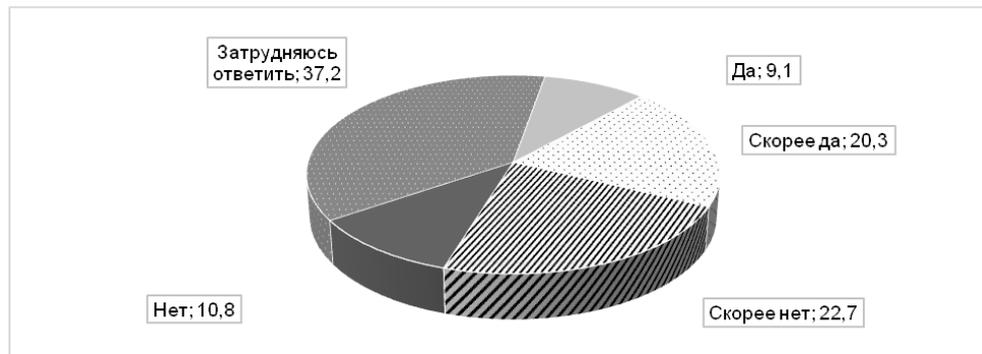

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети (внуки) выбрали для себя в будущем профессию ученого?», в %

Заключение

Представленные в статье данные наглядно показывают необходимость осуществления информационно-просветительской деятельности и принятия дополнительных (в том числе и социально-экономических) мер, направленных на повышение имиджа науки и научной деятельности в Республике Беларусь и престижности профессии ученого в массовом сознании белорусов.

Несмотря на то, что большая часть научных работников не мыслит себя вне научной сферы деятельности и считает науку своим призванием, следует отметить, что желание работать в интеллектуальной среде и привлекательность образа жизни исследователя (как факторы устойчивой и высокой мотивации на эффективную научную деятельность и научную карьеру) не могут долговременно определять стремление к эффективной научной деятельности без соответствующей их поддержки и стимулирования со стороны государства.

Таким образом, формирование положительного имиджа науки в массовом сознании будет способствовать привлечению в научную сферу перспективной и талантливой молодежи, что в конечном итоге приведет к более эффективному функционированию экономики нашей страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Приоритеты и достижения белорусской науки / Портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/science/priorities-achievements>. – Дата доступа: 27.02.2024.
2. *Павельева, Т. Ю.* О престиже профессии ученого / Т. Ю. Павельева // Социально-политические науки. – 2016. – № 3. – С. 145–147.
3. *Шувалова, О. Р.* Престиж профессии ученого в мире и в России / О. Р. Шувалова // Научно-исследовательские исследования. – 2015. – С. 19–42.
4. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
5. *Gustafson, J. M.* Professions as «Callings» / J. M. Gustafson // The Social Service Review. – 1982. – Vol. 56, № 4. – P. 501–515.
6. *Шавель, С. А.* Социальные ожидания – условие стабильности и устойчивости развития общества / С. А. Шавель // Социальный порядок и жизнеспособность общества / С. А. Шавель [и др.]: отв. ред. С. А. Шавель. – Минск : Белорус. наука, 2007. – С. 178–179.
7. *Зиммель, Г.* Избранное : в 2 т. / Г. Зиммель; пер. с нем. – Т. 2: Созерцание жизни. – М. : Юрист, 1996. – 607 с.

Поступила в редакцию 16.03.2024 г.

Контакты: marti.74@mail.ru (Мартищенко Елена Владимировна, Щурок Элла Михайловна).

***Martyshchankava A. V., Shchurok E. M. PRESTIGE OF SCIENTIFIC ACTIVITY
IN THE ASSESSMENTS OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY MEMBERS***

The article presents the results of a sociological survey, one of the aims of which is to study the prestige of the scientific profession in Belarusian society. The main attention of the authors of the article is focused on the analysis of Belarusian scientists' perception of their activities according to the criteria of public utility and prestige.

Keywords: science, sociological survey, prestige, image, public utility.

УДК 316.4

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ КЛАСТЕРОВ В КОНКРЕТНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

И. Г. Солдатенко

соискатель, кафедра социально-гуманитарных и историко-правовых дисциплин; заместитель директора по медицинской экспертизе и реабилитации. Академия управления при Президенте Республики Беларусь; государственное учреждение «Республиканский научно-практический центр онкологии и медицинской радиологии им. Н. Н. Александрова»

На основе анализа международного опыта функционирования медицинских кластеров, с учетом их структуры, состава участников, выполняемых функций в статье предлагается рассмотреть медицинский кластер как социальную организацию с присущими ей признаками. Учитывая эффективный социально-экономический потенциал данных структур, необходимо определить социальные факторы, способствующие их формированию и развитию. Выявление этих факторов позволит решить практические задачи организации и успешного функционирования медицинских кластеров, разработать механизмы по координации их деятельности.

Ключевые слова: кластер, медицинский кластер, инновационная деятельность, медицинская услуга, социальная организация, социальные факторы, социальные потребности.

Введение

Под медицинским кластером понимают совокупность географически сопряженных компаний и организаций разных сфер деятельности и форм собственности (медицинских, инфраструктурных, транспортных, юридических, страховых, финансовых, торговых, образовательных и др.), совместная деятельность которых направлена на оказание комплексных услуг: основных – медицинских и дополнительных, сопровождающих основную [1]. В качестве медицинских услуг рассматриваются услуги по диагностике, лечению, реабилитации пациентов, услуги по разработке и внедрению инновационных медицинских технологий, новых лекарственных препаратов, медицинского оборудования и изделий медицинского назначения, услуги по проведению исследований и клинических испытаний, образовательные услуги. Согласно мировым данным, доля медицинских услуг в кластере составляет от 15% до 30% от общего объема оказываемых услуг. Основные услуги приходятся на долю компаний, оказывающих транспортно-логистические, информационно-коммуникационные, юридические, страховые, финансовые и др. услуги.

Основная часть

Как правило, ядром, вокруг которого происходит консолидация участников, становятся инновационные площадки, уже доказавшие свою состоятельность и конкурентоспособность. Они же обеспечивают специализацию кластера, являются источником методической и аналитической деятельности. В нашем случае таким ядром могут стать республиканские научно-практические центры.

Следующими участниками медицинского кластера выступают медицинские организации и/или производственные площадки.

© Солдатенко И. Г., 2024

Решение сопутствующих задач (юридических, финансовых, транспортных, информационно-коммуникационных и др.) берут на себя компании, как правило, представители малого и среднего бизнеса, специализирующиеся на этих услугах [2].

Государство (органы государственного управления), как следующий участник предложенной модели, берет на себя роль инициатора по созданию интегрированных производственных структур, творческих групп, побуждая и/или поощряя компании к участию в кластерных структурах, обеспечивая механизмы эффективного взаимодействия между организациями и предприятиями разных форм собственности, укрепляя связи между ними, а также вузами, научно-исследовательскими институтами, обеспечивает антимонопольное регулирование. Очевидно, что именно государство должно взять на себя организационно-управленческую роль, обеспечить экономический и правовой базис функционирования медицинских кластеров.

Деятельность медицинского кластера может осуществляться как в направлении материального производства (медицинские препараты, медицинское оборудование), так и в направлении непромышленной сферы деятельности (оказание медицинских услуг, разработка новых технологий, медицинское образование), а может в себе успешно их сочетать.

Как показывает мировая практика, совместные действия субъектов, входящих в состав медицинского кластера и внутри кластерные процессы (инновационная деятельность, рост доли материального продукта (финансы, активы, инвестиции и др.) и нематериального продукта (интеллект, знания, технологии, информация и др.) в конечном итоге приводят к повышению качества услуги и, соответственно, росту ее конкурентоспособности на мировом рынке медицинских услуг. Что обеспечивает рост социально-экономических показателей как самих участников кластера, так и региона локализации кластера и страны в целом.

В условиях увеличения численности населения, старения населения, роста неинфекционных заболеваний идет формирование повышенного спроса на медицинские услуги на мировом рынке услуг даже в условиях мировых, политических и экономических вызовов и потрясений. В связи с чем многие страны продолжают делать свою ставку на формирование и развитие медицинских кластеров как на эффективные системы менеджмента и маркетинга медицинских услуг с возможностью их выхода на международный рынок.

Обзор международного опыта деятельности медицинских кластеров хотелось бы начать с международного медицинского кластера, созданного в 2018 году в Российской Федерации под эгидой Правительства Москвы на территории инновационного центра «Сколково», который объединил под своей эгидой клинические центры, образовательные и научно-исследовательские организации. Его миссия – обеспечить передачу и внедрение лучших мировых медицинских практик [3]. В качестве еще одного примера можно привести Тихоокеанский медицинский кластер – объединение под единым управляющим центром медицинских учреждений Сахалинской области с высокотехнологичным медицинским сервисом для российских и иностранных потребителей [4]. По данным Карты кластеров, сегодня в России более 20 кластеров, объединяющих участников от медицины, фармацевтики, биотехнологий и связанных с ними видов деятельности. Не смотря на сложившуюся политическую обстановку никто из иностранных резидентов указанных медицинских кластеров не заявлял о своем выходе из проектов. Еще одним примером успешного функционирования мед-кластера может стать крупнейший медицинский кластер Турции «Medical Tip», который имеет 22 структурных подразделения с ориентацией на малые и средние предприятия и компании. Стратегией данного кластера является лечебно - диагностическая и образовательная деятельность [5]. Огромное пространство для сотрудничества

в сфере здравоохранения обеспечивают компании и организации, входящие в состав инновационно-промышленного кластера г. Вэйхай (Китай). По состоянию на 2018 год, 6 предприятий и 2 научных подразделения обеспечивают деятельность по производству медицинского оборудования и фармацевтики с учреждением своих филиалов в странах-членах ШОС [6].

Под кураторством эмира ОАЭ и с поддержкой правительства этой страны успешно функционирует медицинский кластер Dubai Healthcare City (DHCC), предоставляющий услуги в сфере эстетической и пластической хирургии, онкологии, ортопедии, дерматологии. Сейчас на территории DHCC в общей сложности действуют 179 медицинских учреждений, в том числе четыре госпиталя совокупной мощностью 562 койки, а также 242 предприятия иного назначения, заняты 4,1 тысячи медиков [7].

Но наиболее быстро в направлении формирования и развития медицинских кластеров в настоящее время движется Индия, как страна с самым бурно развивающимся рынком медицинских технологий и медицинского оборудования. Так в Medical Devices Park более 250 организаций занимаются инновациями для решения важных проблем здравоохранения по созданию сложного медицинского оборудования и изделий медицинского назначения [8].

Одним из ключевых условий успешного развития медицинских кластеров мы считаем приверженность правительства вышеуказанных стран к развитию данных социально-экономических структур и наличие преференций для его резидентов, в т. ч. иностранных.

Так, для реализации активной государственной политики по развитию кластеров Министерством экономического развития Российской Федерации в соответствии с поручениями Президента и Правительства Российской Федерации в 2012 г. проведен конкурс программ развития инновационных территориальных кластеров. В 2013 г. утверждены Правила распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета субъектам Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров.

Обращаясь к зарубежному опыту функционирования медицинских кластеров, можно с уверенностью утверждать, что они обладают всеми основными чертами социальных организаций. В этих полифункциональных структурах можно выделить кооперирующиеся под эгидой единой цели вокруг организационного ядра предприятия и организации, координирующие деятельность друг друга [9]. Данная модель обеспечивает эффективную взаимосвязь между всеми ее участниками путем рационального использования ресурсов, компетенций, связей с возможностью гибкого и быстрого реагирования на любые изменения условий (как внешних, так и внутренних) на пути достижения цели [10].

Не смотря на широкое развитие медицинских кластеров за рубежом можно отметить крайне низкий научный интерес к ним социологического сообщества. Отечественные и зарубежные источники содержат крайне мало сведений о проведении социологических исследований данных структур. Существующее феноменологическое описание эволюционного цикла кластера не является удовлетворительным с точки зрения социологического анализа. Начиная с восьмидесятых годов прошлого столетия и по настоящее время медицинские кластеры в основном изучаются экономическими дисциплинами с точки зрения менеджмента, маркетинга, логистики, инноватики. Они рассматривались, согласно теории кластерного развития М. Портера, исключительно как производственные или промышленные структуры [11]. Вместе с тем проблематика развития различных форм социальной жизни как самоорганизующихся систем уже находила свое отражение в работах классиков социологической мысли К. Маркса [12], Г. Спенсера [13], описывающих регуляторы «социального организма», Вебера [14],

фокусирующегося на рациональных и на этических установках социально-экономической организации, Т. Парсонса [15], анализирующего структуру социального действия, Н. Лумана [16], формирующего общую теорию социальных систем, к которым можно отнести и кластеры. На рубеже 60–70-х годов XX в. в Институте конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ) доктором философских наук, профессором, членом-корреспондентом РАН Н. И. Лапиным был подготовлен Генеральный проект «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и непланируемых спонтанных факторов социальных процессов» и сформирована концепция становления и развития целого направления в социологии – социологии организаций [17].

Социологическое исследование медицинских кластеров необходимо начать с определения социальных факторов, которые могут служить предпосылками к их формированию. Определение данных факторов позволит решить практические задачи, стоящие перед государственными институтами и обществом по формированию и поддержке данных инновационных структур, а также позволит обозначить способы управления ими, определить роль государственных органов в данном процессе, вовлеченность научно-исследовательских институтов, учреждений образования, финансовых институтов, крупного, малого и среднего бизнеса, СМИ и гражданского общества. Анализ социальных факторов формирования медицинских кластеров и их социальная динамика позволит обеспечить планирование с последующим развитием мест агломерации кластерных структур с учетом выявленных наиболее перспективных отраслей, организаций – лидеров, определить степень влияния новых технологий и инноваций на развитие кластерной политики. Это также позволит установить, каково соотношение между традиционной и инновационной деятельностью в медицинском кластере, что из них обеспечивает его стабильную деятельность. А также разработать критерии для оценки деятельности медицинского кластера. Кроме того, не следует забывать, что как все социальные организации, медицинские кластеры возникают из социальных потребностей, в первую очередь, потребностей в качественной медицинской помощи. Социальные потребности, как «побудительные силы всех других побудительных сил» (К. Маркс), напрямую влияют на многие факторы их формирования [12]. В процессе социологического познания предметами исследования в той или иной степени становятся не только сами участники структуры медицинского кластера (государственные органы и организации, коммерческие и некоммерческие предприятия, медиа- и информационные ресурсы), но и такие категории, как национальная и корпоративная культура, менталитет населения, социально-экономическая и политическая обстановка в стране и др. Полученные данные позволят иметь представление о том, насколько кластерная система спонтанна, склонна к самоорганизации или саморазрушению, насколько система формализована, проектна, эффективна.

Необходимо отметить, что в нашей стране на государственном уровне уже принят ряд мер, которые послужат основой для создания новых сетей компаний, ранее не контактировавших между собой. Так, в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы (далее – Программа) предусматривается проведение работ по формированию новых бизнес-моделей взаимодействия предприятий, в том числе путем объединения инициативы частного бизнеса, крупных государственных компаний, учреждений образования и науки, оговариваются вопросы расширения перечня нефинансовых механизмов поддержки экспорта, а также содействия выходу на международные площадки, в т. ч. электронной торговли. Также в Программе государством запланирован проект «Инновационное здравоохранение», который включает в себя создание центра гибридной кардиохирургии, блока трансплантации костного мозга и стволовых клеток, биофармацевтического производства лекарственных

ных средств [1]. Указом № 348 от 15 сентября 2021 года Глава государства утвердил Государственную программу инновационного развития Беларуси на 2021–2025 годы, целью которой является стимулирование научно-технической и инновационной деятельности на основе имплементации передовых мировых практик, обеспечение инновационного развития традиционных отраслей национальной экономики на уровне Европейского союза.

В рамках настоящей статьи предлагаем рассмотреть возможность создания медицинского кластера на территории Минского района с его развитой инфраструктурой. Конкурентными преимуществами данной структуры будет являться уникальная возможность объединения научно-исследовательского, образовательного и производственного потенциала ведущих медицинских организаций нашей страны, таких, как РНПЦ онкологии и медицинской радиологии им. Н. Н. Александрова, РНПЦ «Детской онкологии, гематологии и иммунологии», Минская областная клиническая больница, РНПЦ медицинской экспертизы и реабилитации. Анализ социально-экономических показателей Минского района позволил выделить основные возможные социальные факторы формирования медицинского кластера в регионе, к которым можно отнести следующие: высокая степень географической локализации участников, выгодное экономико-географическое положение, развитая инфраструктура, в т. ч. информационно-коммуникационная, широкая сеть финансовых, логистических, страховых и др. организаций, высокая инновационная активность, близость к образовательным и научным центрам, высокий кадровый потенциал как отрасли, так и территории, развитые международные связи, приверженность власти к реализации утвержденных программ.

Можно ли говорить о социальной эффективности деятельности данной кластерной структуры? Да, безусловно. Социальная эффективность деятельности кластера может рассматриваться на нескольких уровнях: государственном, региональном, организационном, личностном. На государственном уровне она представлена ростом экономики и укреплением социальной сферы. На региональном уровне она также представлена ростом экономики региона с детализацией возможностей удовлетворения социальных потребностей его жителей. На уровне организаций, входящих в состав кластера, социальная эффективность проявляется социальными гарантиями и возможностью удовлетворения социальных потребностей сотрудников. На личностном уровне оценку социальной эффективности могут отражать показатели уровня жизни [1].

Не смотря на благоприятные условия для возможности организации и функционирования медицинских кластеров в нашей стране, данные структуры пока не сформированы. В настоящее время Республика Беларусь находится на начальном этапе их организации.

Заключение

Медицинский кластер как социальная организация, представляет собой группу скоординированных совместной деятельностью организаций, применяющих определенный алгоритм действий, сгруппированных вокруг набора целевых установок, социальных предписаний и ожиданий, возникших из социальных потребностей и выполняющих определенную общественную функцию по созданию условий, способствующих удовлетворению социальных потребностей, что обуславливает научно-практический интерес в определении социальных факторов как предпосылок формирования и развития медицинских кластеров. Социологическое исследование медицинских кластеров расширит границы знаний о них, объединит междисциплинарный контекст исследований, поможет в поиске ответов на вопросы: каковы методы сбора, оценки и хранения социальной информации о медицинских кластерах и их динамике, каков концептуальный аппарат социологического исследования кластеров, в чем состоит особенность

социологии управления медицинскими кластерами, в т. ч. на государственном и региональном уровне, позволит прогнозировать внутри кластерные процессы, формировать эффективную кластерную политику, эффективную стратегию развития компаний, отраслей и регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. *Солдатенко, И. Г.* Развитие медицинских кластеров в Республике Беларусь / И. Г. Солдатенко // Новая экономика. – 2019. – Т. 74, № 2. – С. 175–179.
2. *Милашевич, Е. А.* Медицинский кластер как фактор развития экспорта услуг Республики Беларусь / Е. А. Милашевич // Изв. НАН Беларуси. Сер. Гуманитарных наук. – 2015. – № 3. – С. 105–110.
3. Международный медицинский кластер в Сколково – новый уровень медицины. – Режим доступа: <https://skolkovo-resident.ru/mezhdunarodnyj-medicinskij-klaster/>. – Дата доступа: 01.08.2023.
4. Тихоокеанский медицинский кластер. – Режим доступа: <https://sakhalinmedia.ru/story/medicalcenter/index.html>. – Дата доступа: 01.08.2023.
5. Medical Tip. – Режим доступа: <https://www.inform.kz/>. – Дата доступа: 01.08.2023.
6. Генеральный секретарь ШОС провел встречу с Секретарем комитета КПК города Вэйхай. – Режим доступа: <http://rus.sectso.org/news/20190402/523808.html>. – Дата доступа: 01.08.2023.
7. Dubai Healthcare City: Как в ОАЭ развивают медицинский туризм?! – Режим доступа: <https://zm-sochi.livejournal.com/1265122.html>. – Дата доступа: 01.08.2023.
8. INVESTINDIA. – Режим доступа: www.investindia.gov.in/ru-ru/sector/medical-devices. – Дата доступа: 01.08.2023.
9. *Бабосов, Е. М.* Общая социология : учеб. пособие для студентов вузов / Е. М. Бабосов. – 2-е изд., стер. – Минск : «ТетраСистемс», 2004. – 640 с.
10. *Лапина, С. В.* Социальное государство и социальная политика / С. В. Лапина. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 214 с.
11. *Майкл, Е.* Портер Конкурентная стратегия / Е. Майкл. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 454 с.
12. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. – М. : Прогресс – Политика, 1993. – 608 с.
13. *Спенсер, Г.* Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсен. – М. : Современный литератор, 1999. – 1408 с.
14. *Вебер, М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – 2-е изд. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2006. – 656 с.
15. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академический Проект, 2000. – 880 с.
16. Луман, Н. Социальные системы: очерк общей теории / Н. Луман. – СПб. : Наука, 2007. – 646 с.
17. *Лапин, Н. И.* Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968–1973) / Н. И. Лапин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2005. – № 2. – С. 111–127.

Поступила в редакцию 14.12.2023 г.

Контакты: inna.rb76@mail.ru (Солдатенко Инна Геннадьевна).

Soldatenko I. G. PROSPECTS FOR THE FORMATION OF MEDICAL CLUSTERS IN SPECIFIC SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS

Based on the analysis of international experience in the functioning of medical clusters, taking into account their structure, the composition of participants, the functions performed, the article proposes to consider a medical cluster as a social organization with its inherent characteristics. Given the effective socio-economic potential of these structures, there is a need to identify social factors contributing to their formation and development. The identification of these factors will help to solve practical problems of the organization and successful functioning of medical clusters, to develop mechanisms for coordinating their activities.

Keywords: cluster, medical cluster, innovation activity, medical service, social organization, social factors, social needs.

УДК 323.22

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Н. М. Лира

аспирант

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

В статье экстремизм рассматривается как сложное поликомпонентное и многоликое деструктивное социальное явление, которое в последние десятилетия имеет широкое распространение практически во всех странах мира. На основе анализа определенных разных авторов предпринята попытка раскрытия содержания понятия «экстремизм» и предлагается авторская социально-правовая трактовка этого понятия. Обосновывается необходимость активизации работы по профилактике экстремистских проявлений среди белорусской молодежи.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, профилактика и противодействие экстремизму.

Введение

В условиях динамичных социальных изменений происходит не только трансформация экономических, политических и культурных институтов и общественных отношений, но наблюдается распространение негативных проявлений, которые могут вызывать нежелательные последствия для общества: нарушение конституционных прав и свобод граждан, дестабилизация гражданского общества, препятствование устойчивому и прогрессивному развитию общества. Наряду с такими источниками угроз национальной безопасности, как преступность, коррупция, пьянство, наркомания и прочее в последнее десятилетие все более остро встает проблема экстремизма, растущая волна которого инициирует возникновение новых контркультурных движений и объединений экстремисткой направленности.

Основная часть

В контексте геополитических, экономических, технологических и других значимых изменений, произошедших за последнее время в мировом сообществе, актуальным для исследования является понимание сущности экстремизма, его значимых свойств и признаков ввиду сложности и противоречивости природы экстремизма как феномена общественной жизни. Научная трактовка сущности данного негативного социального явления необходима и для ограничения экстремисткой деятельности от иных видов насилия, а также для эффективной работы по профилактике экстремистских проявлений.

В области теоретического анализа проблемы экстремизма, большинство отечественных и зарубежных исследователей оценивают экстремизм как исключительно негативное социально-опасное явление, которое требует жесткого противодействия со стороны государства и общества.

Так, например правовед С. Н. Фридинский рассматривает экстремизм как деятельность общественных, политических и религиозных объединений, либо иных организаций, средств массовой информации, физических лиц по планированию, организации, подготовке, финансированию, либо иному содействию ее осуществления, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, инфор-

мационных услуг, иных материально-технических средств, а также совершение действий, направленных на установление единственной идеологии в качестве государственной [1].

Российский социолог И. В. Вехов определил экстремизм как идеологизированное насилие в отношении людей, или разрушение в отношении нематериальных объектов, сопровождающееся насильственной или деструктивной деятельностью [2]. Исследователь предлагает исследовать не только его открытые факты, но и латентные (экстремистские убеждения, настроения, установки). Автор верно указывает на то, что скрытые экстремистские взгляды распространены в обществе более широко, чем открытые и присутствуют во всех его слоях. По нашему мнению, именно латентный экстремизм может стать плодородной почвой для распространения экстремисткой идеологии открытой формы, оказать серьезное влияние и на социально-психологический климат в обществе, что может повлечь в свою очередь катастрофические последствия. Поэтому необходимо проводить анализ рисков латентного экстремизма, чтобы выявить обстоятельства, способствующие совершению преступлений и других правонарушений, возможность прогнозирования «открытого» экстремизма, определить направления профилактики и разработать меры его предупреждения.

Является спорным понятие, предложенное А. Г. Хлебущкиным, как «способ радикального отрицания общественных норм, основанный на приверженности крайним взглядам и действиям» [3, с. 34], поскольку предполагает возможность расширительного толкования в связи с тем, что предложенное понятие охватывает большой круг общественных отношений. В результате данное толкование повышает вероятность признать экстремистскими и наказуемыми любые взгляды, мысли, высказывания, политические и религиозные воззрения или убеждения, выраженные в резкой (крайней) форме. Тем самым такая общая трактовка дает широкие возможности для карательных и ограничительных мер, а гражданин становится социально не защищен от действий правоохранительных и других государственных органов.

Диаметрально противоположную точку зрения на проблему экстремизма высказывает профессор С. А. Боголюбов, который, анализируя положения российского закона «О противодействии экстремистской деятельности», отмечает, что фактически к экстремизму относятся «все или почти все проступки предусмотрены в Кодексе об административных правонарушениях, а опасные деяния – в УК. Какие еще деяния должны быть в нем? Экстремистские? Но такого преступления не было и нет ни в российском, ни в зарубежном праве; это политологический и публицистический термин, обобщающий все нежелательные и опасные для государства действия» [4, с. 97].

По мнению В. С. Мартыанова, экстремизм – это лишь вид различных практик, таких как геноцид, этноцид, терроризм. Он считает, что нет и вообще не может быть отдельно существующего экстремистского мышления и тем более экстремистской идеологии [5].

В то же время современные исследователи предлагают выделять различные виды проявлений экстремизма. Однако ни один из них не нашел в нормах права четкого его закрепления на законодательном уровне. Так, по мнению российского ученого Т. Н. Кильмашкиной, экстремизм обладает способностью проникать во все сферы общественных отношений.

Мы согласны с тем, что экстремизм возможен в различных сферах человеческой жизнедеятельности, он постоянно трансформируется, типология экстремизма в чистом виде отсутствует, что указывает на смешение выделяемых видов, сложность и многогранность данного явления. Многие исследователи, в том числе и российский ученый-правовед Р. С. Тамаев, выделяют три основные формы исследуемого явления: политический, национальный, религиозный [6].

Помимо основных форм исследуемого явления – политического, национального, религиозного, в последнее десятилетие появились новые его формы – рациональный,

экономический, экологический, насильственный, сексуальный, бытовой, духовный, международный, национал-экстремизм, государственный, внутренний, этнорелигиозный, социальный, информационный, словесный, преступный, спортивный, киберэкстремизм и т. п. Причем используются различные основания для выделения его видов. В том числе – по его субъектам, объектам, целям и формам и т. п. Большинство различий в выделяемых видах экстремизма обусловлены контекстом, в рамках которого рассматривается проблема. Каждый из таких подходов в исследовании экстремизма дает достаточно ограниченное его определение в рамках узкой научной сферы деятельности либо одним единственным определением «экстремизм» пытаются определить качественно разные явления общественной жизни. И, таким образом, использование различных оснований выделения видов экстремизма в конечном итоге затрудняет понимание сути данного явления, способствует в дальнейшем простому перечислению различных сфер общественной жизни, где возможна агрессия, нетерпимость, унижение достоинства личности, ложные обвинения, ненависть и вражда.

По нашему мнению, все виды экстремизма тесно взаимосвязаны между собой, но характеризуют разные стороны общественной жизни, влияют друг на друга, отражая сложность такого социального явления, как экстремизм.

Несовершенство и многообразие подходов к понятийному аппарату и типологии экстремизма отрицательно влияют на законотворчество и правоприменительную практику. Законодательное определение понятия «экстремизм» имеет ряд преимуществ, поскольку отличаются свойственной юридическим документам четкостью формулировок и относительной доступностью изложения. Следует согласиться с теми современными исследователями, которые указывают на обязательность четко сформулированного понятия «экстремизм» в его правовом поле.

В Республике Беларусь юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в ст.1 Закона Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму», согласно которому к данной деятельности относятся, в частности: «...насильственное изменение конституционного строя и (или) территориальной целостности Республики Беларусь; создание экстремистского формирования либо участие в экстремистском формировании; содействие осуществлению экстремистской деятельности, прохождение обучения или иной подготовки для участия в такой деятельности; разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни ...».

Следует отметить, что в данном Законе отсутствует общее определение понятия «экстремизм», а только представлен исчерпывающий перечень противозаконных действий экстремисткой направленности, подпадающих под определение «экстремизм (экстремистская деятельность)».

Анализируя национальное законодательство об экстремизме, белорусский исследователь В. В. Хилюта обоснованно утверждает, что «...Закон закрепляет перечень однородно-обособленных наказуемых деяний, характеризующих экстремизм, но не раскрывает его сущностной природы... перегруженность этого понятия многочисленными терминами не позволяет уяснить важные аспекты его дефиниции» [7].

Как показывает социально-правовая практика, одного лишь правового закрепления данного понятия недостаточно. Необходимо подробно на междисциплинарном уровне исследовать происхождение этого социального явления, определяя основные критерии данного понятия, а также существенные факторы, способствующие распространению экстремизма. Только благодаря этому можно не только эффективно противодействовать экстремизму, но и избежать возможного неправомерно широкого толкования этого феномена. Однозначное толкование насильственных деяний, охватываемых категорией экстремизма, выделение их основных признаков, вместе с осуществлением

профилактических мер, неотвратимостью наказания и единой политикой государства в борьбе с экстремизмом поможет предупредить и уменьшить негативные последствия подобных антиобщественных проявлений.

С учетом изложенного выше, в том числе приведенных точек зрения различных ученых по рассматриваемому вопросу, предлагаем в контексте социально-правового теоретико-методологического подхода социологическое определение *экстремизма* – как антиобщественного социально-правового деструктивного явления, проявляющееся в системе взглядов, мнений, ценностей, представлений, идей, позиций, деяний или деятельности в демографической, расовой, экономической, политической, социальной, культурной, этно-национальной, религиозной и других сферах общественных отношений, которые направлены на идеологическое, информационное, организационно-управленческое, насильственное или иное противоправное радикальное изменение конституционного строя, усиление социальной дезорганизации, дезинтеграции, напряженности, конфликтности, социокультурной аномии, дегуманизацию общества, дестабилизацию общественной безопасности и правопорядка.

Таким образом, основными признаками экстремизма как деструктивного социально-правового явления выступают такие формы проявления, как взгляды, мнения, ценности, представления, идеи, позиции, деяния и деятельность; противоправность; направленность на радикальное изменение общественно-политического строя и дестабилизация общественной жизни. Экстремистская деятельность во всех своих проявлениях имеет противоправный характер: уголовно-правовой или административно-правовой. Преступления экстремистской направленности можно условно разделить на преступления, предусматривающие ответственность за реальные агрессивные действия, т. н. «активный экстремизм», направленный непосредственно против основ существующего конституционного строя, общественного порядка, конституционных прав и свобод граждан: например, ст. 342 УК (организация и подготовка действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них), ст. 293 УК (массовые беспорядки), а также преступления, связанные с публичными призывами к осуществлению активных насильственных действий, несогласованных публичных мероприятий (включая крайние формы выражения протеста в виде экстремистских действий), иных действий, направленных на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь, назовем их «пассивный экстремизм»: например, ст. 368 УК (оскорбление Президента Республики Беларусь), ст. 369 УК (оскорбление представителя власти), ст. 361-4 УК (содействие экстремистской деятельности), ст. 130 (разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни). Очевидно, что именно деструктивное идеологическое воздействие, навязывание социальной вражды или розни, идей превосходства, исключительности, либо, наоборот, неполноценности, является непосредственной причинной усиления социальной напряженности, возрастание общественно опасных проявлений экстремизма и в целом дестабилизации общественной безопасности.

Соответствующие статьи, запрещающие пропаганду войны, экстремистской деятельности, национальной ненависти и дискриминацию по национальному или расовому признаку, а также распространение, изготовление, хранение, перевозку информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности, имеются в КоАП Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь о культуре, законодательстве о СМИ и др.

При формулировании дефиниции «экстремизм», мы исходили из того, что в основе экстремизма лежит применение экстремистами безнравственных и насильственных методов достижения своих целей, непризнание принятых в государстве и обществе правил поведения, разрушение существующих социальных норм и ценностей.

Предложенное определение экстремизма рассматривается нами как базовое для того, чтобы выделить такую его разновидность, как молодежный экстремизм, который, бесспорно, имеет свою специфику.

Молодежь – это мобильная и наиболее чуткая социально-демографическая группа общества, которая в силу своей социальной динамичности, отсутствия социального опыта наиболее подвержена разного рода внешним влияниям, в том числе экстремистского характера.

Анализ Перечня граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства, причастных к экстремистской деятельности, размещенный на сайте Министерства внутренних дел Республики Беларусь [8], позволяет сделать вывод, что количественные показатели состояния и динамики экстремизма имеют крайне высокое значение. Так, в период с марта 2022 года по сентябрь 2023 года было зарегистрировано 3 250 человек, на декабрь 2023 года количество граждан возросло и составило 3 641 человек. Причастных к экстремистской деятельности молодых граждан в возрасте до 31 года, зарегистрировано 1 069 человек, что составляет 29,36% от общего числа названных лиц. Причем с сентября 2023 года по декабрь 2023 года число молодых людей в возрасте до 31 года увеличилось на 97 человек. Минимальный зафиксированный возраст – 16 лет. Наиболее подверженным такого рода проявлениям являются молодые люди в возрасте от 24 до 29 лет, которые составляют в удельном весе 51,9% от общего числа «молодых» экстремистов, 29,1% на момент совершения правонарушения находились в возрасте 18 – 23 года, 18,7% – в возрасте 30 – 31 год.

Изучая данную статистику, вызывает тревогу тот факт, что именно эта категория молодых людей в ближайшее десятилетие, в силу естественной смены поколений, станет движущей силой общества, которая будет ответственна за события, происходящие в стране.

Молодежь – специфическая социальная группа, переживающая период формирования мировоззрения, системы ценностей, социальных установок, которая в наибольшей степени подвергается негативному влиянию со стороны различных деструктивных групп. Молодые люди сознательно и неосознанно в процессе своей социализации усваивают как позитивные, так и негативные установки и затем, уверенные в своей «правоте», нередко реализуют их путем совершения правонарушений.

Российские исследователи-социологи В. И. Чупров и Ю. А. Зубок определяют экстремизм именно как форму девиантного поведения [9], Р. М. Афанасьева считает, что экстремизм в молодежной среде это индивидуальное и социально-групповое проявление крайних средств и способов жизнедеятельности части молодежи [10].

Заключение

Распространение деструктивных идей экстремизма среди молодежи требует тщательного изучения, проведения систематических социологических исследований в рамках мониторинга, разработки и проведения качественных программных мероприятий, направленных на решение проблемы противодействия экстремизму в целом, молодежному экстремизму, в частности. Без тщательного анализа ситуации невозможно предпринять адекватные меры предупреждения проявления экстремизма в молодежной среде. Профилактическая работа должна быть направлена на предотвращение и развитие экстремистских взглядов и поведения у молодых людей, закрепление толерантного мировоззрения, то есть так называемую первичную профилактику. Именно на этом этапе должны закладываться такие навыки у молодых людей, как способность анализировать и критиковать, обсуждать различные, порой противоречивые, темы и события, умение справляться с конфликтами, развитие позитивной правовой активности и привитие молодежи нулевого восприятия той информации, которая имеет под собой экстремистскую направленность. С другой стороны, меры профилактики долж-

ны быть направлены на так называемые «группы риска» – категории молодых людей, которые наиболее подвержены подобным влияниям и в отношении которых необходимо реализовывать меры общей и индивидуальной профилактики.

Профилактическая работа экстремизма требует времени и должна основываться на научном анализе и практическом опыте. Наиболее важная роль в сфере профилактики должна принадлежать учреждениям образования. При этом эффективность осуществления профилактики экстремизма напрямую зависит от ясного и правильного понимания методов и форм профилактических мероприятий педагогическими работниками, специалистами, работающими с молодежью. В связи с этим одним из важнейших аспектов повышения качества социальной профилактики экстремизма среди молодежи является систематическая подготовка, переподготовка, повышение квалификации этой категории работников. Работа с молодежью особенно актуальна в предверии новых электоральных кампаний. Идеолого-профилактическая работа и патриотическое воспитание молодежи на сегодняшний день должны стать приоритетным направлением деятельности по противодействию экстремизму.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Фридинский, С. Н.** Борьба с экстремизмом: Уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С. Н. Фридинский. – Ростов н/Д., 2003. – 32 с.
2. **Вехов, И. В.** Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля : автореф. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / И. В. Вехов. – Санкт-Петербург, 2011. – 17 с.
3. **Хлебушкин, А. Г.** Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / А. Г. Хлебушкин. – Саратов : СЮИ МВД России, 2007. – 160 с.
4. **Боголюбов, С. А.** Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? / С. А. Боголюбов // Адвокат. – 2001. – № 11. – С. 96–98.
5. **Мартынов, В. С.** Умножение зла добром / В. С. Мартынов // Свободная мысль. – 2008. – № 5. – С. 86–96.
6. **Тамаев, Р. С.** Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму : монография / Р. С. Тамаев. – 2-е изд. – М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2008. – 279 с.
7. **Хилота, В. В.** Национальное законодательство об экстремизме и проблема ответственности за экстремистскую деятельность (часть 1): основные термины и определения / В. В. Хилота [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/ВЕСМА/>. – Дата доступа: 22.02.2023.
8. Перечень граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства, причастных к экстремистской деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/gu/news/8642>. – Дата доступа: 25.12.2023.
9. **Чупров, В. И.** Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок ; Российская акад. наук, Ин-т социально-политических исследований. – М. : Асадемия, 2009. – 320 с.
10. **Афанасьева, Р. М.** Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Р. М. Афанасьева. – М., 2007. – 22 с.

Поступила в редакцию: 12.02.2024 г.

Контакты: lira.n@polessu.by (Лира Наталья Михайловна).

Lira N. M. EXTREMISM AS A DESTRUCTIVE PHENOMENON OF SOCIAL LIFE

The article considers extremism as a complex polycomponent and multifaceted destructive social phenomenon, which in recent decades has been widespread in almost all countries of the world. Based on the analysis of definitions of different authors, an attempt to reveal the content of the concept of “extremism” is made and the author’s socio-legal interpretation of this concept is proposed. The article substantiates the necessity to intensify work on the prevention of extremist manifestations among Belarusian youth.

Keywords: extremism, youth, prevention and counteraction to extremism.

УДК 346

КЛАССИФИКАЦИЯ СУДЕБНЫХ ДЕЛ В СФЕРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И БАНКРОТСТВА

Т. А. Корень

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана факультета экономики и права
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье проводится классификация судебных дел в сфере несостоятельности и банкротства по законодательству Республики Беларусь, выявляются их процессуально-правовые особенности, проводится сравнение с ранее действующим законодательством, даются авторские оценки новеллам правового регулирования, формулируются выводы и предложения об использовании полученных результатов.

Ключевые слова: судебное дело, классификация судебных дел, несостоятельность и банкротство, процессуально-правовое регулирование, судебная практика, судебная статистика.

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена научной и практической необходимостью представить в наглядном для обозрения и распознавания виде все судебные дела, так или иначе связанные с несостоятельностью и банкротством, дать отдельным видам характеристику с процессуально-правовой позиции и в свете принципиальных изменений правового регулирования несостоятельности и банкротства в Республике Беларусь и унификации процессуальных норм в принятом Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), вступающем в силу 01.01.2026 [1].

Целью настоящего исследования является проведение классификации судебных дел в сфере несостоятельности и банкротства и выявление их процессуально-правовых особенностей на основе системного анализа законодательства Республики Беларусь, сложившейся и складывающейся судебной практики и статистики.

В первую очередь следует отметить, что с 1991 г. за относительно небольшой промежуток времени в Республике Беларусь в сфере несостоятельности и банкротства были приняты четыре специальных общих закона, сменяющих друг друга. 01.10.2023 вступил в силу новый закон в сфере урегулирования неплатежеспособности, «закон с новой идеологией» [2] – закон Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» от 13 декабря 2022 г. № 227-3 (далее – Закон, Закон 2022 г.) [3].

Основная часть

Как известно, классификация, как метод познания, представляет собой общенаучный метод систематизации знания, направленный на организацию некоторой совокупности изучаемых объектов различных областей действительности, знания и деятельности в систему соподчиненных групп (классов), по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определенных существенных свойствах [4].

Согласно закону Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» 2012 г. [5] экономический суд возбуждал «одноименное» дело – дело об экономической несостоятельности (банкротстве). Новеллой Закона 2022 г. стало разделение дел рассматриваемой категории на два вида на основании заявляемого в суд требования: дела о несостоятельности и дела о банкротстве.

Как показывает анализ норм Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК Республики Беларусь) [6] и процессуальных норм Закона 2022 г., дела о несостоятельности и дела о банкротстве имеют следующие общие процессуально-правовые характеристики: рассматриваются в порядке отдельных видов хозяйственного судопроизводства. ХПК Республики Беларусь содержит отсылочную норму об особенностях рассмотрения дел о несостоятельности, банкротстве (ст. 265), отсылочная норма содержится в гл. 40 КГС, к ним применяются специальные процессуальные нормы Закона. Рассмотрение этих дел является исключительной компетенцией экономического суда, такие дела не могут быть переданы на рассмотрение в третейский суд, международный арбитражный (третейский) суд. Их подсудность определяется по месту нахождения должника.

Примечательно, что особенностью дел о несостоятельности на стадии возбуждения производства является процессуально предоставленная возможность обращения в суд с заявлением только должника – юридического лица (ст.ст. 19, 21, 22 Закона). Вместе с тем инициатором возбуждения производства по делу о банкротстве может быть как должник (юридическое лицо, индивидуальный предприниматель), так и кредитор, а также прокурор, орган финансовых расследований Комитета государственного контроля (ст.ст. 19, 23–30 Закона).

Рассматриваемые виды дел отличаются применяемыми процедурами после завершения конкурсного производства и их целью. Так, при вынесении решения по делу о несостоятельности применяется санация в целях обеспечения эффективной хозяйственной (экономической) деятельности должника – юридического лица и восстановления его платежеспособности, а также осуществления расчетов с его кредиторами в соответствии с установленной очередностью. При вынесении решения по делу о банкротстве открывается ликвидационное производство в целях ликвидации должника – юридического лица или прекращения деятельности должника – индивидуального предпринимателя, продажи имущества должника и максимально возможного удовлетворения требований кредиторов в соответствии с установленной очередностью.

Общей особенностью рассматриваемых дел является фактическое исполнение судебного решения антикризисным управляющим. По итогам успешного исполнения управляющим решения о санации суд по делу о несостоятельности выносит определение о завершении санации и прекращении производства по делу (ст. 148 Закона). В свою очередь дела о банкротстве завершаются вынесением судом определения о завершении ликвидационного производства, которое является основанием для исключения должника из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – Единый реестр) (ст. 148 Закона).

По общему правилу оба вида дел могут быть прекращены в связи с заключением мирового соглашения (ст.ст. 131–133 Закона) и по иным основаниям, предусмотренным (п. 1 ст. 39 Закона).

Как следует из вышесказанного, законодательное разделение судебных дел на дела о несостоятельности и дела о банкротстве не носит технического характера и обусловлено специфическими, в том числе процессуальными особенностями.

На сегодняшний день судебная статистика, статистика Министерства экономики Республики Беларусь не в полной мере учитывает рассмотренную классификацию судебных дел. По данным Верховного Суда Республики Беларусь на 01.05.2024 в соответствии с Законом Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» рассматривается 189 дел, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 13.12.2022 № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» в производстве экономических судов находятся 262 дела, из которых 256 дел в отношении организаций частной формы собственности и индивидуальных предпри-

нимателей [7]. Как видно, по делам, возбужденным по Закону 2022 г., указаны «общие» цифры, без разделения на дела о несостоятельности и дела о банкротстве.

Представляет научный и практический интерес тот факт, что Закон содержит специальные нормы о несостоятельности и банкротстве отдельных видов должников (раздел IV). В связи с чем дела о несостоятельности и банкротстве в зависимости от того, какой субъект хозяйствования является должником, представляется возможным разделить на следующие виды:

- дела о несостоятельности или банкротстве в отношении должников – юридических лиц, рассматриваемые на основании общих норм разделов I–III Закона;

- дела о несостоятельности или банкротстве, рассматриваемые с учетом специальных норм раздела IV Закона. Среди них два подвида дел:

- о несостоятельности и банкротстве юридических лиц, имеющих мобилизационные заказы, градообразующих и приравненных к ним организаций, сельскохозяйственных организаций, страховых организаций и страховых брокеров, профессиональных участников рынка ценных бумаг, управляющей организации или специализированного депозитария паевого инвестиционного фонда, специальной финансовой организации (главы 14–16, 18–22 Закона);

- о банкротстве банков, индивидуальных предпринимателей (главы 17, 23 Закона). Санация в отношении указанных субъектов не применяется.

Системный анализ процессуальных норм Закона позволяет провести классификацию дел о несостоятельности и банкротстве в зависимости от применения стандартного (общего) или сокращенного судопроизводства:

- дела, рассматриваемые в общем процессуальном порядке. В их числе с учетом наличия/отсутствия процедуры защитного периода можно выделить дела:

- с введением защитного периода; по статистике за последние десять лет таких дел в общем количестве дел о несостоятельности или банкротстве не более 10 % [8];

- без введения защитного периода, т. е. с открытием конкурсного производства при возбуждении производства по делу по правилам разделов I–IV Закона;

- дела, рассматриваемые по упрощенным процедурам (раздел V Закона). Это дела в отношении ликвидируемых юридических лиц и отсутствующих должников. По статистике за последние десять лет таких дел в общем количестве банкротных дел не менее 35 % [9].

Соглашаясь с мнением судьи Верховного Суда Республики Беларусь О. Н. Синкевич, отметим, что за экономическим судом сохранена функция разрешения ряда споров, возникающих между лицами, участвующими в деле, как на стадии конкурсного производства, так и на стадии санации либо ликвидационного производства [10], и обратимся к новой категории дел, которую ввел белорусский законодатель в исследуемой области. Так, действующий Закон в ст.ст. 16, 17, ст. 465 КГС нормативно закрепили термин «дела по спорам, связанным с несостоятельностью или банкротством», это дела по спорам, предусмотренным Законом, рассматриваемые согласно п. 3 ст. 17 Закона экономическим судом, в производстве которого находится основное дело о несостоятельности или банкротстве. Новеллой Закона стало установление рассмотрения заявлений о требовании кредитора или иного лица, участвующего в деле о несостоятельности или банкротстве, заявлений о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов в самостоятельном судебном деле, отдельном от основного дела. Ранее такие заявления подлежали рассмотрению в рамках дела об экономической несостоятельности (банкротстве). Таким образом, перечень «поименованных» судебных дел в Законе расширен по сравнению с законом «Об экономической несостоятельности (банкротстве)». На наш взгляд, видится целесообразным введение законодателем правовой определенности в части установления непродолжительного 15-дневного

срока на подачу заявлений о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов (ст.ст. 58, 66 Закона). Отсутствие подобного срока в законах Республики Беларусь 2000 г. и 2012 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» на практике приводило в ряде случаев к фактическому использованию предоставленной возможности оспаривания вплоть до завершения ликвидационного производства либо в крайних случаях, как инструмента затягивания и необоснованного продления сроков ликвидационного производства. В настоящее время согласно п. 6 ст. 58 Закона в случае несогласия с принятым собранием (комитетом) кредиторов решением по жалобе на решения, действия (бездействие) управляющего лица, подавшее такую жалобу, управляющий, иные лица, участвующие в деле о несостоятельности или банкротстве, права и (или) законные интересы которых нарушены, вправе подать в суд заявление о признании недействительным такого решения в течение 15 рабочих дней со дня его размещения в Едином государственном реестре сведений о банкротстве. Аналогичный срок установлен для подачи заявления о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов (п. 7 ст. 66 Закона). При этом по общему правилу пропущенный по уважительным причинам срок подачи заявления может быть восстановлен судом по заявлению заявителя (п. 7 ст. 58, п. 9 ст. 66 Закона).

Анализ норм раздела II Закона «Судебный порядок рассмотрения дел о несостоятельности или банкротстве» позволяет прийти к выводу о том, что Закон прямо перечисляет следующие судебные дела по спорам, связанным с несостоятельностью или банкротством: дела о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, виновных в наступлении банкротства (ст. 9 Закона), дела о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов по жалобе на решения, действия (бездействие) управляющего (ст. 58 Закона); дела о признании недействительным решения собрания (комитета) кредиторов (ст.ст. 66 Закона); дела о требовании кредитора (ст. 73 Закона); дела об исключении имущества из состава имущества должника (ст. 83 Закона); дела о признании недействительной сделки должника (ст.ст. 86, 87 Закона); дела о взыскании долга, уплаченного должником (ст. 88 Закона); дела о признании торгов недействительными (ст. 91 Закона); дела об истребовании имущества должника у третьих лиц, о расторжении договоров, заключенных должником, о взыскании дебиторской задолженности (ст.ст. 78, 79 Закона). Данный вывод в целом согласуется с позицией судьи Верховного Суда Республики Беларусь В. Ф. Шильченка [11].

Количество и разнообразие указанных видов споров, установление специальных процессуальных норм в их отношении подтверждает известный тезис о сложности банкротных дел в широком смысле понимания.

Системный анализ норм ГК, ХПК, Налогового кодекса Республики Беларусь, Закона 2022 г., закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» и иных нормативных правовых актов, судебной практики показывает, что к рассматриваемому виду дел целесообразно, по мнению автора, отнести дополнительно к вышеуказанным:

дела об установлении факта ничтожности сделки, о признании сделки недействительной по основаниям, предусмотренным ГК и иными нормами законодательства помимо Закона, о применении правовых последствий недействительности сделки;

дела об оспаривании ненормативного признания недействительным ненормативного правового акта государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица, которым затрагиваются права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности; об обжаловании действий (бездействия) государственного органа, органа местного управления и самоуправления, иного органа или должностного лица, которыми затрагиваются права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, и иные

споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений хозяйственных (экономических) споров и иных дел (ст. 42 ХПК);

иные споры с участием должника, рассматриваемые экономическим судом.

Следующий вид судебных дел в сфере несостоятельности и банкротства по основанию требования – это дела по спорам с участием должника, вытекающим из трудовых и связанных с ними отношений, иных споров, не отнесенные законом к компетенции судов, рассматривающих экономические дела. Такие дела подлежат рассмотрению в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь. Основываясь на обобщении судебной практики дел с участием должника за период 2012–2023 гг., к разновидностям таких споров относятся дела о взыскании невыплаченной заработной платы, премии, надбавки и т. п., о восстановлении на работе незаконного уволенного работника и оплате за время вынужденного прогула, об изменении формулировки причины увольнения, о возврате денежных сумм, удержанных из заработной платы работника, о возмещении причиненного работниками материального ущерба, о взыскании причиненного вреда жизни и здоровью потерпевшего и др. Особенностью таких дел является возможность предъявить иск в суд к должнику в отличие от дел искового производства, рассматриваемых экономическим судом, где должник может быть только истцом, а требования к должнику предъявляются антикризисному управляющему.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

В сфере несостоятельности и банкротства согласно законодательству Республики Беларусь на основании заявляемого в суд требования представляется возможным выделить следующие виды дел:

основные дела: дела о несостоятельности и дела о банкротстве;

дела по спорам, связанным с несостоятельностью или банкротством, рассматриваемые экономическим судом;

дела по спорам с участием должника, вытекающим из трудовых и связанных с ними отношений, иных споров, не отнесенные законом к компетенции судов, рассматривающих экономические дела.

В свою очередь основные дела в зависимости от того, какой субъект хозяйствования является должником, имеют следующие разновидности:

дела о несостоятельности или банкротстве в отношении должников – юридических лиц, рассматриваемые на основании общих норм разделов I–III Закона;

дела о несостоятельности или банкротстве, рассматриваемые с учетом специальных норм раздела IV Закона.

В зависимости от применения стандартного (общего) или сокращенного судопроизводства основные дела возможно разделить на:

дела, рассматриваемые в общем процессуальном порядке: с введением защитного периода или без;

дела, рассматриваемые по упрощенным процедурам (раздел V Закона) в отношении ликвидируемых юридических лиц и отсутствующих должников.

Проведенная классификация не является исчерпывающей, по иным основаниям она может быть дополнена. Результаты проведенного исследования могут быть учтены при выборе критериев судебной статистики, использованы при обобщении судебной практики, подготовке постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по делам о несостоятельности и банкротстве, могут быть основой дальнейших научных исследований в области урегулирования неплатежеспособности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 17 марта 2024 г., № 359-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Юрий Кобец: Урегулирование неплатежеспособности – идеология нового Закона / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/analitika/2023/october/75582/>. – Дата доступа: 29.02.2024.
3. Об урегулировании неплатежеспособности: Закон Республики Беларусь, 13 декабря 2022 г., № 227-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. **Субботин, А. Л.** Классификация / А. Л. Субботин [и др.] ; Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2023 (последняя редакция: 08.12.2023). – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6879>. – Дата доступа: 28.02.2024.
5. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Республики Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-3 с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 15 дек. 1998 г., № 219-3 с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. Справка по делам об экономической несостоятельности (банкротстве), находящимся в производстве экономических судов в период с 01.04.2024 по 01.05.2024 // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/online-help/bankr_inf/f715a5332d864009.html. – Дата доступа: 03.05.2024.
8. Статистика дел // Официальный сайт Единого государственного реестра сведений о банкротстве. – Режим доступа: <http://www.bankrot.gov.by>. – Дата доступа: 01.04.2024.
9. Бюллетни по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/online-help/bankr_inf/. – Дата доступа: 03.04.2024
10. **Синкевич, О. Н.** Новеллы законодательства об урегулировании неплатежеспособности. – Ч. 1 / О. Н. Синкевич // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
11. **Шильченко, В. Ф.** Институт урегулирования неплатежеспособности – сбалансированный инструмент защиты прав и законных интересов / В. Ф. Шильченко // ЭТАЛОН / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Поступила в редакцию 15.04.2024 г.

Контакты: koren@msu.by (Корень Татьяна Анатольевна).

Koren T. A. CLASSIFICATION OF COURT CASES IN THE FIELD OF INSOLVENCY AND BANKRUPTCY

The article classifies court cases in the field of insolvency and bankruptcy under the legislation of the Republic of Belarus, identifies their procedural and legal features, compares them with previously existing legislation, gives the author's assessment of the innovations in legal regulation, formulates conclusions and proposals for using the results obtained.

Keywords: court case, classification of court cases, insolvency and bankruptcy, procedural and legal regulation, judicial practice, judicial statistics.

УДК 349.6

ПРАВОВАЯ АХОВА НЕТРАЎ ЯК СКЛАДОВАЯ ЧАСТКА АХОВЫ НАВАКОЛЬНАГА АСЯРОДДЗЯ

А. В. Сляпцоў

кандыдат юрыдычных навук, дэкан факультэта эканомікі і права
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова

Артыкул прысвечаны аналізу прававога рэгулявання аховы нетраў як неабходнай умовы захавання іх рэсурсаў. Аўтар адзначае, што правая ахова нетраў знаходзіцца ў непарыўнай сувязі з аховай навакольнага асяроддзя ў цэлым, іных яго кампанентаў і складнікаў. Ахова нетраў грунтуецца на агульных прынцыпах аховы навакольнага асяроддзя. Сістэма прававой аховы нетраў павінна прадугледжваць патрабаванні і меры па ахове навакольнага асяроддзя і яго асобных складнікаў ад негатывных змен, звязаных з уздзеяннем на нетры.

Ключавыя словы: правая ахова нетраў, ахова навакольнага асяроддзя.

Уводзіны

Нетры з'яўляюцца адным з самых каштоўных кампанентаў прыроднага асяроддзя і шырока выкарыстоўваюцца ў розных мэтах прыродных рэсурсаў. Задачы аховы нетраў, разумнага і рацыянальнага выкарыстання іх рэсурсаў, якія адносяцца пераважна да вычарпальных і неаднаўляльных, абумоўлены інтэнсіўным уздзеяннем на нетры пры засваенні карысных выкапняў [1, с. 120].

Ахова нетраў ўключае забеспячэнне рацыянальнага выкарыстання іх рэсурсаў, але не зводзіцца толькі да яго. Сістэма прававой аховы нетраў павінна прадугледжваць патрабаванні і меры па ахове навакольнага асяроддзя і яго асобных складнікаў ад негатывных змен, звязаных з уздзеяннем на нетры, так як “стан нетраў аказвае непасрэдны ўплыў на астатнія кампаненты прыроды (на водныя рэсурсы, атмасферу, жывёльны і раслінны свет, клімат, азонавы пласт, глебу і іншыя аб'екты). У сваю чаргу, нетры, з'яўляючыся часткай прыроднага асяроддзя, падлягаюць прававой ахове, якая грунтуецца на агульных прынцыпах аховы навакольнага асяроддзя” [2, с. 115].

Асноўная частка

У экалага-прававой літаратуры адрозніваюцца падыходы да вызначэння паняцця “правая ахова”. У даследаваннях савецкага перыяду ахова навакольнага асяроддзя разглядалася ў вузкім сэнсе. Яе сутнасць вызначалася пераважна як сукупнасць мер прававой абароны, накіраваных на забеспячэнне рацыянальнага выкарыстання прыродных рэсурсаў і барацьбу з парушальнікамі шляхам прыцягнення іх да крымінальнай, дысцыплінарнай і матэрыяльнай адказнасці [3, с. 11; 4, с. 30; 5, с. 34]. Аднак у такім вузкім сэнсе разумення аховы навакольнага асяроддзя не ўлічвалася неабходнасць забеспячэння яе прэвентыўнага і пастаяннага характару, а прыняцце аднаўленчых мер мяркуюцца толькі ў сувязі з парушэннем заканадаўства аб ахове кампанентаў прыроднага асяроддзя і прыцягненнем да адказнасці вінаватых.

Так, А. М. Абаніна пад прававой аховай лясоў прапануе разумець сістэму юрыдычных норм і мерапрыемстваў, якія ажыццяўляюцца на іх аснове, і накіраваны на забеспячэнне рацыянальнага выкарыстання і захавання лясоў [6, с. 6]. Аднак дадзенае

вызначэнне не канкрэтызуе ў дастатковай ступені сутнасць прававой аховы кампанента прыроднага асяроддзя, не дазваляе вызначыць яе змест.

А. М. Каверын адзначае, што прававая ахова вод забяспечваецца сукупнасцю норм, накіраваных на: ахову вод як аб'екта права выключнай уласнасці дзяржавы; арганізацыю планавага і комплекснага выкарыстання саміх вод шляхам рацыянальнай, навукова абгрунтаванай эксплуатацыі водных аб'ектаў; забеспячэнне выканання ўсімі водакарыстальнікамі патрабаванняў, якія забараняюць забруджванне, засмечванне і з'ядненне вод; арганізацыю выкарыстання ўсіх прыродных рэсурсаў такім чынам, каб яны не аказвалі шкоднага ўздзеяння на стан водных аб'ектаў, а таксама на ўсталяванне і прымяненне адпаведных мер дзяржаўнага прымусу за парушэнне патрабаванняў заканадаўства ў галіне аховы вод [7]. Прававую ахову ў шырокім сэнсе як сукупнасць юрыдычных мер, накіраваных на захаванне лясоў, рацыянальнае лесакарыстанне, якія ўключаюць вызначэнне аб'екта аховы, парадку лесакарыстання, арганізацыю кіравання ў гэтай галіне ў цэлым, а таксама меры адказнасці за лесапарушэнні, іншыя сродкі эканоміка-прававога стымулявання лесааховы трактуе таксама В. В. Кулікова [8].

Грунтуючыся на такім падыходзе, Ю. С. Петрапаўлаўская мяркуе магчымым канкрэтызаваць, што “прававая ахова зямель ад негатыўнага ўздзеяння гаспадарчай дзейнасці ўяўляе сабой сукупнасць:

1) імператыўных прававых норм (якія забараняюць, абавязваюць) і узаемазвязаных з імі тэхнічных нормаў, якія ўстанаўліваюць патрабаванні да вытворчых працэсаў з мэтай прадухілення, мінімізацыі такога ўздзеяння і аднаўлення належнага стану зямель;

2) прававых норм, якія прадугледжваюць юрыдычную адказнасць за невыкананне ўстаноўленых патрабаванняў і парадак яе прымянення;

3) прававых норм, якія эканамічна стымулююць да захавання патрабаванняў аб ахове зямель” [9, с. 10, 11].

У айчынных навуковых даследаваннях, прысвечаных прававым праблемам аховы кампанентаў прыроднага асяроддзя і прыродных аб'ектаў, заканамерна звяртаецца ўвага на неабходнасць уліку спецыфікі ахоўнага аб'екта. Так, К. В. Рэчыц абгрунтоўвае выснову аб фарміраванні ў экалагічным праве Рэспублікі Беларусь інтэграванага прававога інстытута “ахова воднабалотных угоддзяў”, які ўключае ў сябе сукупнасць прававых норм, замацаваных у заканадаўстве Рэспублікі Беларусь аб ахове навакольнага асяроддзя і рацыянальным выкарыстанні прыродных рэсурсаў і ўстанаўлівае парадак аховы водна-балотных угоддзяў як асаблівых, складана арганізаваных і шматфункцыянальных экалагічных сістэм натуральнага і прыроднаантрапагеннага паходжання, у якіх кампанент вады з'яўляецца вызначальнай умовай існавання дзікарослых раслін і дзікіх жывёл і выконвае сістэмаўтваральную функцыю [10, с. 4].

У Кодэксе Рэспублікі Беларусь аб нетрах ад 14 ліпеня 2008 г. № 406-3 [11] (далей – Кодэкс аб нетрах) паняцце “ахова нетраў” выкарыстоўваецца для абазначэння комплексу мерапрыемстваў, якія забяспечваюць выкананне ўстаноўленых Кодэксам аб нетрах і іншымі актамі заканадаўства парадку і ўмоў карыстання нетрамі і прадухіляюць нерацыянальнае выкарыстанне рэсурсаў нетраў і шкоднае ўздзеянне на навакольнае асяроддзе (п. 31 арт. 1 Кодэкса аб нетрах). Беларускімі навукоўцамі таксама адзначаецца, што ахова нетраў уключае ў сябе комплекс мерапрыемстваў, якія забяспечваюць выкананне ўстаноўленых парадку і ўмоў карыстання нетрамі і прадухіляюць нерацыянальнае выкарыстанне рэсурсаў нетраў і шкоднае ўздзеянне на навакольнае асяроддзе [12, с. 265].

Мяркуем, аднак, што замацаванае ў Кодэксе аб нетрах значэнне паняцця “ахова нетраў” патрабуе ўдакладнення. Перш за ўсё, звяртае на сябе ўвагу, што ў дадзеным вызначэнні адлюстравана не столькі экалага-прававая спецыфіка прававой аховы дад-

зенага кампанента прыроднага асяроддзя, колькі адміністрацыйна-прававая, якая разумее ў большай ступені захаванне парадку карыстання нетрамі. Адзначанае, у некаторай ступені, разыходзіцца з падыходамі да вызначэння адпаведных паняццяў у іншых актах экалагічнага заканадаўства [13, с. 35, 36].

У прыватнасці, Закон Рэспублікі Беларусь “Аб ахове навакольнага асяроддзя” ад 26 лістапада 1992 г., № 1982-ХІІ устанаўлівае, што ахова навакольнага асяроддзя (прыродаахоўная дзейнасць) уяўляе сабой дзейнасць дзяржаўных органаў, грамадскіх аб’яднанняў, органаў грамадскага тэрытарыяльнага самакіравання, іншых юрыдычных асоб, фізічных асоб, у тым ліку індывідуальных прадпрымальнікаў, накіраваную на захаванне і аднаўленне прыроднага асяроддзя, рацыянальнае (устойлівае) выкарыстанне прыродных рэсурсаў і іх узнаўленне, прадухіленне шкоднага ўздзеяння на навакольнае асяроддзе і ліквідацыю яго наступстваў [14, арт. 1]. Дадзенае вызначэнне адлюстроўвае экалагічна значныя мэты прававой аховы навакольнага асяроддзя і ўказвае на суб’екты адпаведнай дзейнасці. Разам з тым, гэтае вызначэнне не ўтрымлівае ўказанні на сродкі і меры прававой аховы, якія раскрываюцца ў заканадаўстве аб ахове навакольнага асяроддзя і канкрэтызуюцца ў дачыненні да спецыфікі аб’екта прававой аховы.

Адпаведны падыход да вызначэння прававой аховы прасочваецца і ў іншых экалага-прававых актах, якія рэгулююць парадак выкарыстання і аховы асобных кампанентаў прыроднага асяроддзя. Так, Водны кодэкс Рэспублікі Беларусь ад 30 красавіка 2014 г. № 149-З [15] вызначае ахову вод як сістэму мер, накіраваных на прадухіленне або ліквідацыю забруджвання, засмечвання вод, а таксама на іх захаванне і аднаўленне (п. 25 арт. 1). Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб Зямлі 23 ліпеня 2008 г. № 425 – З [16] замацоўвае, што ахова зямель – сістэма мерапрыемстваў, накіраваных на прадухіленне дэградацыі зямель, аднаўленне дэградаваных зямель (арт.1). Найбольш падрабязнае вызначэнне даецца ў Лясным кодэксе Рэспублікі Беларусь ад 24 снежня 2015 г. № 332-З [17], п. 37 арт. 1 якога вызначае, што ахова лясоў уяўляе сабой лесагаспадарчыя мерапрыемствы, накіраваныя на папярэджанне, своечасовае выяўленне і тушэнне лясных пажараў, а таксама на папярэджанне і спыненне незаконных высечак, забруджвання лясоў сцёкавымі водамі прамысловых, камунальных і іншых аб’ектаў, хімічнымі і радыёактыўнымі рэчывамі, адходамі, прадуктамі жыццядзейнасці сельскагаспадарчых жывёл (гной, памёт, гнаявая жывжка і да т. п.), іншых дзеянняў, якія наносзяць шкоду лясам, іншых парушэнняў патрабаванняў заканадаўства аб выкарыстанні, ахове, абароне і ўзнаўленні лясоў, аб ахове навакольнага асяроддзя. Ахова аб’ектаў жывёльнага свету вызначаецца заканадаўцам як дзейнасць (у тым ліку ўзнаўленне, усяленне (укліючаючы рассяленне), інтрадукцыя, рэінтрадукцыя, акліматызацыя, скрыжаванне і абарона дзікіх жывёл), накіраваная на захаванне прасторавай, відавой і папуляцыйнай цэласнасці аб’ектаў жывёльнага свету, іх колькасці, рэсурснага патэнцыялу і прадуктыўнасці, прадухіленне іх знішчэння ці іншага шкоднага ўздзеяння на іх (п.44 арт. 1 Закона Рэспублікі Беларусь “Аб жывёльным свеце” ад 10 ліпеня 2007 г. № 257-З [18]). У дадзеных вызначэннях, на наш погляд, адлюстроўваецца неабходнасць захавання ўласцівасцяў кампанентаў прыроднага асяроддзя пры выкарыстанні іх у якасці крыніцы прыродных рэсурсаў.

У сувязі з гэтым мяркую магчымым далучыцца да пазіцыі аўтараў, якія звяртаюць увагу на неабходнасць размежавання паняццяў “рацыянальнае выкарыстанне нетраў” і “ахова нетраў”, а таксама адпаведнага размежавання напрамкаў прававога ўздзеяння на грамадскія адносіны. У. С. Камісарэнка, адзначаючы, што “рацыянальнае выкарыстанне нетраў забяспечвае найбольш поўнае выманне асноўных запасаў нетраў і карысных выкапняў і спадарожных кампанентаў, якія з імі залягаюць, выключае неабгрунтаваныя страты карысных выкапняў”, пад аховай нетраў прызнае “сістэму мерапрыемстваў па захаванні прыроднай каштоўнасці нетраў, забеспячэнні іх рацыянальнага выкары-

стання, узнáўлення мінеральна-сыравіннай базы, прадухіленні негатыўнага ўздзеяння на нетры, падтрыманню стабільнасці геалагічных працэсаў” [19].

У мэтах удасканалення заканадаўства аб ахове нетраў, у прыватнасці, удакладнення вызначэння ў Кодэксе аб нетрах паняцця “ахова нетраў”, лічым магчымым дадэнае вызначэнне прывесці зыходзячы з тых спецыфічных праблем, якія выяўляюцца ў выніку негатыўнага ўздзеяння на нетры дзейнасці чалавека.

Такім чынам, прапануем у Кодэксе аб нетрах замацаваць азначэнне паняцця “ахова нетраў” як дзейнасць дзяржаўных органаў, юрыдычных асоб, індывідуальных прадпрымальнікаў і грамадзян, накіраваная на забеспячэнне захавання ўласцівасцяў нетраў як кампанента прыроднага асяроддзя, падтрымання якаснага стану нетраў, іх здольнасці забяспечваць у сукупнасці з іншымі кампанентамі прыроднага асяроддзя спрыяльныя ўмовы для існавання жыцця на Зямлі, задавальняць разнастайныя экалагічныя, эканамічныя, навуковыя і іншыя патрэбы чалавека; якая ажыццяўляецца з дапамогай прадухілення забруджвання, знішчэння, пашкоджання нетраў і (або) іншага шкоднага ўздзеяння на нетры, а таксама шкоднага ўздзеяння на навакольнае асяроддзе, асобныя прыродныя аб’екты і кампаненты прыроднага асяроддзя, жыццё і здароўе чалавека, шкоды іншым ахоўным грамадскім інтарэсам у выніку дзейнасці, звязанай з выкарыстаннем нетраў, і ліквідацыю наступстваў такога шкоднага ўздзеяння [13, с. 7, 8].

Такі падыход адпавядае палажэнням тэорыі права, згодна з якімі падставамі ахоўнага ўздзеяння права выступае сістэма фактычных і фармальных абставін, якія выклікаюць да жыцця розныя праявы такога ўздзеяння; лагічная структура ахоўнай функцыі права ўключае ў сябе аб’екты ўздзеяння, суб’екты і спосабы ўздзеяння, падставы ўздзеяння [20, с. 8]. Такі падыход падтрымліваецца і ў экалага-прававой дактрыне. Р. Р. Ямалятдзінаў падкрэслівае, што для раскрыцця зместу паняцця “прававая ахова нетраў” прыняццёвае значэнне маюць адказы на пытанні: ад чаго варта ахоўваць нетры, што ўяўляе сабой ахова нетраў у яе прыродазнаўча-навуковым разуменні [21, с. 13]. Вызначэнне відаў негатыўнага ўздзеяння на нетры, а таксама наступстваў такога ўздзеяння для нетраў, іншых кампанентаў прыроднага асяроддзя і навакольнага асяроддзя ў цэлым будзе таксама спрыяць удакладненню мэт і канкрэтных напрамкаў прававой аховы нетраў.

Заклучэнне

Праведзены аналіз паказвае, што прававая ахова нетраў уключае комплекс мерапрыемстваў па забеспячэнні захавання ўласцівасцяў нетраў як кампанента прыроднага асяроддзя, іх здольнасці быць месцам пражывання жывёл і росту раслін, забяспечваць у сукупнасці з іншымі кампанентамі прыроднага асяроддзя спрыяльныя ўмовы для існавання жыцця на Зямлі, задавальняць разнастайныя экалагічныя, эканамічныя, навуковыя і іншыя патрэбы чалавека [13, с. 132].

Прававая ахова нетраў знаходзіцца ў непарыўнай сувязі з прававой аховай навакольнага асяроддзя ў цэлым, якая складаецца з кампанентаў і складнікаў навакольнага асяроддзя, і з’яўляецца неабходнай умовай захавання рэсурсаў нетраў. Пры гэтым уласцівасці нетраў, якія з’яўляюцца часткай прыроднага асяроддзя, асяроддзя пражывання чалавека, а таксама найважнейшай крыніцай прыродных рэсурсаў, вызначаюць сутнасць іх прававой аховы.

СПІС ВЫКАРАСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Сляпцоў, А. В. Паняцці “нетры” і “прававая ахова нетраў” як аб’екты прававога замацавання ў заканадаўстве Рэспублікі Беларусь. / А. В. Сляпцоў // Весн. Магілёўск. дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. Д. Эканоміка. Сацыялогія. Права. – 2017. – № 2 (50). – С. 120–125.

2. **Сляпцоў, А. В.** Прынцыпы аховы нетраў: тэарэтыка-прававы аспект / А. В. Сляпцоў // Весн. Магілёўск. дзярж. ун-та імя А.А. Куляшова. Сер. D. Эканоміка. Сацыялогія. Права. – 2020. – № 2 (56). – С. 114–117.
3. **Бзежынскі, В.** Прававая ахова навакольнага асяроддзя / В. Бзежынскі ; пер. з польск. Н. Г. Прудковай і Г. Б. Рабіновіча; пад рэд. і з уступ. арт. О. С. Каўбасава. – М. : Прагрэс, 1979. – 251 с.
4. **Гарбунова, В. Ф.** Лясное права: канспект лекцыі / В. Ф. Гарбунова. – Свядлоўск : Свядлоўск. юрыд. ін-т, 1977. – 48 с.
5. **Неміроўская, Я. І.** Прававая ахова лясоў / Я. І. Неміроўская. – 2-е выд., перапрац. і дап. – М. : Рассельгасвыдат, 1987. – 110 с.
6. **Абаніна, А. М.** Прававая ахова лясоў у Расійскай Федэрацыі : аўтарэф. дыс. кандыдат юрыд. навук: 12.00.06 / А.М. Абаніна ; Саратаў. дзярж.акад. права. – Саратаў, 2004. – 24 с.
7. **Каверын, А. М.** Прававая ахова сцёкавых вод ад забруджвання і рэгулявання скіду сцёкавых вод : аўтарэф. дыс. кандыдат. юрыд. навук: 12.00.06 / А. М. Каверын; Акадэмія Навук СССР; Ін-т дзярж. і права. – М, 1974. – 22 с.
8. **Прававое рэгуляванне аховы і абароны лясоў [Электронны рэсурс].** – Рэжым доступу: https://studme.org/1081080614684/pravo/pravovoe_regulirovanie_ohrany_zaschity_lesov. – Дата доступу: 09.04.2024.
9. **Петрапаўлаўская, Ю. С.** Прававая ахова зямель ад негатыўнага ўздзеяння гаспадарчай дзейнасці : аўтарэф. дыс. кандыдат. юрыд. навук: 12.00.06 / Ю. С. Петрапаўлаўская; уклад . дзярж.ун-та імя М.В. Ламаносава. – М., 2017. – 29 с.
10. **Рэчыц, К. В.** Прававая ахова водна-балотных угоддзяў : аўтарэф. дыс. ... канд. юрыд. навук: 12.00.06 / К. В. Рэчыц; беларус. дзярж.ун-т. – Мінск, 2017. – 27 с.
11. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб нетрах [Электронны рэсурс]: 14 ліпеня 2008 г., № 406-з : прыняты Палатай прадстаўнікоў 10 чэрвеня 2008 г.: выд. Саветам Рэспублікі. 20 чэрвеня 2008 г.: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 28.12.2023 г., № 324-з // ЭТАЛОН. Заканадаўства Рэспублікі Беларусь / Нац. Цэнтр прававой інфармацыі. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2024.
12. **Балашэнка, С. А.** Экалагічнае права : вучэб. дапаможнік / С. А. Балашэнка, Т. І. Макарава, В. Я. Лізгара. – Мінск : Вышэйшая школа, 2016. – 383 с.
13. **Сляпцоў, А. В.** Прававая ахова нетраў у Рэспубліцы Беларусь : дыс. ... канд. юрыд. навук: 12.00.06 / А.В. Сляпцоў. – Мінск, 2021. – 187 с.
14. Аб ахове навакольнага асяроддзя [Электронны рэсурс] : закон Рэсп. Беларусь, 26 лістапада. 1992 г., № 1982-ХІІ : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 17.07.2023 г., № 294-3 // ЭТАЛОН. Заканадаўства Рэспублікі Беларусь / Нац. Цэнтр прававой інфармацыі. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2024.
15. Водны кодэкс Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс] : 30 крас. 2014 г., № 149-З : Прыняты Палатай прадстаўнікоў 2 крас. 2014 : выд. Саветам Рэспублікі. 11 красавіка. 2014 г.: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 17.07.2023 г., № 296-3 // ЭТАЛОН. Заканадаўства Рэспублікі Беларусь / Нац. Цэнтр прававой інфармацыі. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2024.
16. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб Зямлі [Электронны рэсурс] : 23 ліпеня 2008 г., № 425-з : прыняты Палатай прадстаўнікоў 17 чэрвеня 2008 г.: выд. Саветам Рэспублікі. 28 чэрвеня 2008 г.: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 8.01.2024 г., № 350-3 // ЭТАЛОН. Заканадаўства Рэспублікі Беларусь / Нац. Цэнтр прававой інфармацыі. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2024.
17. Лясны кодэкс Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс] : 24 снеж. 2015 г., № 332-з : прыняты Палатай прадстаўнікоў 3 снеж. 2015 : выд. Саветам Рэспублікі. 9 снеж. 2015 г.: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 17.07.2023 г., № 293-3 // ЭТАЛОН. Заканадаўства Рэспублікі Беларусь / Нац. Цэнтр прававой інфармацыі. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2024.
18. Аб жывёльным свеце [Электронны рэсурс] : Закон Рэсп. Беларусь, 10 ліпеня 2007 г., № 257-з : у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 04.01.2022 г., № 145-3 // ЭТАЛОН. Заканадаўства Рэспублікі Беларусь / Нац. Цэнтр прававой інфармацыі. Рэсп. Беларусь. – Мінск, 2024.
19. **Камісарэнка, У. С.** Прававое рэгуляванне аховы нетраў і навакольнага асяроддзя пры засваенні радовішчаў нафты і газу [Электронны рэсурс] / У. С. Камісарэнка. – Рэжым доступу: <https://www.disserscat.com/content/pravovoe-regulirovanie-okhrany-nedr-i-okruzhayushchei-sredy-pri-osvoenii>. – Дата доступу: 09.04.2024.
20. **Лапшына, В. С.** Ахавальная функцыя права ў сістэме функцый права і дзяржавы: аўтарэф. дыс. ... канд. юрыд. навук: 12.00.01 / В.С. Лапшына; Тальяц. дзярж.ун-т. Казань, 2011. – 25 с.
21. **Ямялятдзінаў, Р. Р.** Прававая ахова нетраў ў Расійскай Федэрацыі: аўтарэф. дыс. ... канд. юрыд. навук: 12.00.06 / Р. Р. Ямялятдзінаў; Башк. дзярж.ун-та. – Уфа, 2004. – 24 с.

Паступіў у рэдакцыю 10.06.2024 г.

Кантакты: sleptcov@msu.by (Сляпцоў Андрэй Вітальевіч).

***Sleptcov A. V.* LEGAL PROTECTION OF SUBSOIL AS PART OF NATURE PROTECTION**

The article is devoted to the study of legal regulation of subsoil conservation as a necessary condition for the conservation of subsoil resources. The author notes that the legal protection of the subsoil is inextricably linked with the legal protection of the environment as a whole, as well as its other components. Subsoil protection is based on the general principles of environmental protection. The subsurface legal protection system should provide for the requirements and measures to protect the environment and its individual components from negative changes related to the impact on the subsurface.

Keywords: legal protection of subsoil, environmental protection.

УДК 343.2/.7

АНАЛИЗ ТЕОРИИ ПРИНЦИПОВ И ПРАКТИКИ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

А. Д. Дарменов

кандидат юридических наук, генерал-майор полиции,
начальник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан
им. Б. Бейсенова

В статье рассматривается оптимальное построение норм, входящих в правила процесса регулирования отношений в обществе. Сделан вывод о том, что детализация регулирования общественных отношений зависит от определения уровня абстрагирования по отношению к данной цели. Указывается, что уголовно-процессуальные принципы представляют собой абстракции, реализующие задачи уголовного процесса и находящие свою реализацию в общих условиях уголовного судопроизводства, отличающиеся отсутствием конкуренции между собой и выраженные в качестве процессуальной экономии, объективности, тайности и письменности уголовного процесса.

Ключевые слова: Республика Казахстан, уголовно-процессуальное законодательство, принципы, классификация, регулирование, исследование, предписания.

Введение

Классификация принципов уголовного процесса, предтечей которой являются наши рассуждения об абстракциях в уголовном процессе, является важнейшей структурной составляющей нашего исследования уже потому, что является видовым выражением условия формирования абстракций, формирования принципов в уголовном процессе. Между тем, прежде чем перейти к вопросу описания классификации принципов, исходя из обозначенных нами предпосылок технологичности и аксиологии, полагаем верным коснуться уже тех классификаций принципов в уголовном процессе, которые уже имеют место.

Основная часть

Наиболее известной из них является классификация принципов, реализующая абстракцию согласно типовым способам ее конкретизации. Такой классификацией является классификация, делящая принципы на общеправовые, межотраслевые и отраслевые принципы права [1, с. 149]. Здесь типизация способов определяется возможностью их использования в разных отраслях, как в целом, так и частных случаях отдельных отраслей процессуального или материального типа.

Весьма схожей по сути, однако гораздо более подробной с точки зрения градации является классификация принципов, предложенная В. Н. Карташовым, который пытается выделить в ней любые виды на основе «общностей», а по сути общих абстракций. Так, помимо деления принципов на отраслевые, межотраслевые и общеправовые последний предлагает различать еще и принципы юридической практики, правового статуса личности, юридической ответственности и т. п. [2, с. 246].

Заметим, что фактически ученый пытается неосознанно выделить эти абстракции, рефлекторно связывая их с отдельными «институтами» права и логично указывая на

существование множества условий для каждого отдельного уровня абстракций. Несмотря на то, что он делает это без их структуризации и определения уровней, вне изучения собственно самой сути абстракции, его исследование интересно именно как попытка указать на наличие в праве таких общностей норм, которые, помимо общих предпосылок, обуславливаются собственными специфическими элементами, влияющими на отдельную совокупность.

Во многом такие попытки связаны с самой структурой изучаемой отрасли, выраженной в законодательстве. Здесь последовательность выражения той или иной мысли предполагает дальнейшие рассуждения изучающих данную отрасль ученых.

Такие индуктивные, либо дедуктивные рассуждения рано или поздно приводят к обобщению отдельных положений отрасли права и попыткам определить общие условия такого обобщения. Вместе с тем, к сожалению, попыток полного обобщения принципов в единых астрактивных началах мы не видим.

Так, имеются попытки выделить принципы права и принципы правоприменительной деятельности [3, с. 34]; принципы законодательной деятельности и принципы правосудия, основанные на общеправовых принципах, являющихся, в свою очередь, принципами уголовного законодательства [4, с. 126]. Есть точки зрения, согласно которым, все принципы права можно разделить на принципы уголовного правотворчества, принципы уголовного законодательства и принципы применения норм уголовного права [5, с. 41].

Однако, как хорошо заметил, С. С. Безруков такое обилие рассуждений о частных принципах не привело даже к единству в понимании количества уровней системы принципов, не говоря уже о наполнении конкретным содержанием каждого «яруса». Ученые насчитывают от двух до семи уровней (вплоть до принципов отдельных норм) системы уголовно-правовых принципов [5, с. 49]. Некоторые ученые в попытке назвать принципами абсолютно любые абстракции доходят до выделения в качестве таковых абстрактных правил квалификации преступлений и называют их специальными принципами квалификации преступлений [6, с. 82].

В целом анализ существующих классификаций позволяет указать на ее несовершенство, обусловленное диалектическим подходом к изучению норм-принципов, для которого характерно изучение сути принципов по их отражению в существующем законодательстве. Вместе с тем в таком, сугубо дедуктивном контексте исследователь ограничен алгоритмом отражения изначально неверного выражения абстракций-принципов, в контексте которого он и пытается познать предмет. Поэтому изначально ничего нового, отличного от политического или аксиологического восприятия данные исследователи познать не могут, что обусловлено общим методологическим подходом. В этой связи мы предлагаем подойти к исследованию сути принципов с точки зрения герменевтического подхода, где суть принципов выражается их предназначением – т. е. реализацией предыдущего уровня абстракции – задач. На примере уголовно-процессуального права – задач уголовного процесса.

С этой точки зрения, классификация принципов невозможна без определения конкретизирующейся абстракции задачи – принципы, поскольку сами принципы – есть суть данной конкретизации, а потому лишь реализуют абстракцию целей через конкретизацию абстракций задач. Такую попытку среди всех исследователей сущности принципов в целом на примере принципов в уголовном процессе сделал лишь единственный исследователь, которым является С. С. Безруков [5].

Последний смог обнять своим исследованием множество точек зрения на сущность целей и задач уголовного процесса, которые мы также сочли нужным изучить и привести их в качестве аргументации. Но такое приведение было бы бессмысленным в сугубо иллюстрационном значении. Поэтому оно демонстрируется нами в ходе само-

стоятельного описания сути целей и задач уголовного процесса, которое мы приводим ниже относительно отечественного законодательства. Сразу же отметим, что ввиду весьма общего характера абстракций-целей, абстракций-задач и абстракций-принципов наши выводы базируются практически на одних и тех же нормах, имеющих практически одинаковое выражение, как в отечественном, так и в российском праве, науке.

В этой связи, на наш взгляд, условиями формирования принципов являются следующие рассуждения: «Реальное выполнение материально-правовой охраны уголовного закона является теоретической целью уголовно-процессуальной реализации, которая базируется на познании и составляет основу уголовно-правовой оценки. К сожалению, законодатель игнорирует эту проблему и не принимает во внимание Уголовно-процессуальный кодекс, который позволяет аксиоматично определить такое целеполагание. Тем не менее, законодателем эффективно выражены следующие цели уголовно-процессуального законодательства: «Ст. 8. Задачи уголовного процесса: 1. Задачами уголовного процесса являются пресечение, беспристрастное, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона, защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений. 2. Установленный законом порядок производства по уголовным делам должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного – незамедлительную и полную его реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву».

Как видно из текста закона, задачи познания имеют две ипостаси технологическую и аксиологическую. Первая из них выражена частью первой представленной статьи и заключается в раскрытии, расследовании, изобличении преступников, справедливом применении уголовного закона, защите лиц и общества от уголовных правонарушений. Вторая же является выражением аксиологического, личностного подхода и определяется частью второй обсуждаемой статьи.

Детализируем столь обширный список задач. Его анализ позволяет указать на то, что собственно раскрытие, расследование являются формами процессуального познания схожего вида, а потому могут отличаться друг от друга, либо набором алгоритмов, входящих в объем представленных терминов, либо сугубо семантически, к чему мы склоняемся в большей мере. При этом процедурная дифференциация не имеет в данном случае значения ввиду факультативного отношения к самому познанию. Более того, мы утверждаем, что такими же формами познания являются изобличение и судебное разбирательство. Здесь, изобличение является лишь видом выражения познания, а судебное разбирательство такой же формой познания, как раскрытие и расследование. Слегка выделяясь из указанного перечня, изобличение представляет из себя выражение познания, которое является предпосылкой любых судебных выводов.

Несколько иначе следует трактовать такую задачу, как привлечение к уголовной ответственности, которая, по нашему мнению, не имеет отношения к уголовно процессуальному праву уже потому, что всякие вопросы ответственности – есть предмет материального права, т. е. в данном случае уголовного. Понимая под привлечением к уголовной ответственности процедуру, в которой виновный, либо лицо, признанное таковым, начинает испытывать возмездие за совершенное деяние мы должны признать и тот факт, что гипотетически таковое может иметь место не ранее чем после принятия решения о виновности данного лица, а значит, фактически уже вне уголовного процесса.

По существу, в данном случае речь идет об исполнительном праве. Это тем более верно, что законодатель включает избличение и привлечение к уголовной ответственности в одну группу, предполагая, что последняя имеет место лишь после избличения и, как следствие, после вынесения судебного решения в отношении лица, совершившего уголовное правонарушение, как прямо указано частью первой обсуждаемой статьи. Понимать под привлечением к ответственности процедуру раскрытия и расследования уголовного правонарушения проводимую с участием (в отношении) подозреваемого было бы тоже не верно, поскольку в таком случае еще не установлена виновность этого лица, а, следовательно, речь не должна идти и о каком-либо привлечении к ответственности фигуранта, чья виновность имеет место только предположительно.

Такой же, не относящейся к уголовному процессу задачей является правильное применение уголовного закона, имеющее отношение к вопросам квалификации и ответственности, т. е. составляющим материального (уголовного) права.

И уж совсем не имеющей отношения к уголовному процессу является такая «задача», как защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений. Это наше утверждение связано с тем, что защита общества, лиц и граждан осуществляется посредством установления материальных норм, которые уголовно-процессуальное право лишь реализует. А значит и сама эта задача защиты имеет в лучшем случае комплексный характер, а по сути характерна только для материального (уголовного) права.

Отдельное место в данной иерархии занимает пресечение уголовных правонарушений, которое вообще нельзя назвать в полной мере результатом уголовно-процессуальной деятельности, ибо таковое может осуществляться простым гражданином на улице, а в ряде случаев и вовсе быть результатом преступной деятельности. Здесь пресечение – это лишь организационная форма реакции на выявленный факт и находится в плоскости ответственности всех граждан, государственных организаций, поскольку существует в виде обязанности уголовно-правового характера отреагировать на уголовное правонарушение соответствующим образом.

В ряде случаев, такая обязанность находит и свое выражение в других нормативных актах, не имеющих полного и прямого отношения к уголовно-процессуальному законодательству. Как все мы заметили, она может и не выражаться на правовом уровне, а являться результатом самозащиты или другой деятельности, исключающей совершение преступления, например совершением другого правонарушения. Несознательных форм такого пресечения и того больше.

В этой связи цель уголовного процесса – познание криминального события опосредованно выражается следующими его видами – это расследование и раскрытие уголовных правонарушений. Думается, что эта цель очевидна в части сличения уровней абстракций, означенных нами выше. Вместе с тем зададимся вопросом – как она выражается в задачах уголовного процесса? При внимательном прочтении ч. 1 ст. 8 **УПК Республики Казахстан «Задачи уголовного процесса»** это становится понятно. Так, данная норма указывает на характеристики процесса познания в виде беспристрастного, быстрого и полного раскрытия и расследования (следственного познания). Именно поэтому беспристрастность (объективность), быстрота (максимальная временная эргономичность) и полнота (достаточность познанного) и могут являться теми самыми задачами уголовного процесса. Именно их реализация должна иметь место посредством существования принципов уголовного процесса.

Вместе с тем, как мы уже указали выше, часть вторая обсуждаемой статьи ставит перед правоприменителем и конструктором законодательства еще одну задачу, не связанную с конкретизацией абстракции познания. Рассмотрим ее подробнее. Такая задача выражается в аксиологическом комплексе установок, связанных с возложением на уголовный процесс:

- обеспечение защиты от необоснованного обвинения и осуждения;
- обеспечение защиты от незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина;
- незамедлительной и полной реабилитации лица в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного;
- укрепление законности и правопорядка, предупреждение уголовных правонарушений;
- формирование уважительного отношения к праву.

Анализ этих установок свидетельствует, что с позиции логики права, а также его технологических условий их нельзя назвать задачами уголовно-процессуального права.

Так, к примеру последние две установки имеют общесоциальный в лучшем случае общеправовой характер и не могут быть достигнуты посредством содержания уголовно-процессуального права. Очень трудно считать такой задачей и реабилитацию лица по каким бы то ни было основаниям, ибо таковая следует по завершении уголовного процесса и относится скорее к разделу «восстановительного правосудия». Если же представить, что она является частью уголовного процесса, приводя в качестве примера апелляционное и кассационные производства, тогда нужно признать, что эта задача и вовсе не должна стоять перед правоприменителем, поскольку в этом случае судопроизводство следует рассматривать как еще не прервавшийся процесс познания, а соответственно, здесь реабилитация может выступать лишь в качестве одного из организационных следствий познания истины и не более.

Наконец, обеспечение защиты от необоснованного обвинения и осуждения тоже нельзя считать задачей уголовного процесса, поскольку в основе обоснованности, как глубоко субъективного понятия, лежит свободная оценка доказательств по внутреннему убеждению. Равно такой же аргумент определяет ничтожность второй «задачи» аксиологического характера в виде обеспечения защиты от незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, законность, в данном случае, определяется лишь соответствием тех или иных решений и действий конкретным нормам законодательства и не более.

В этой связи гарантии не нарушения тех или иных законодательных норм не могут существовать в виде процессуальных же алгоритмов призванных выполнять процессуальную, а не материальную задачу реализации процедурных вопросов постижения истины. В таком случае процессуальное право искусственно разделяется на собственно процессуальное и право, определяющее алгоритмы реализации ложной уголовно-процессуальной ответственности.

Заметим, что именно два последних вопроса вызывают наибольшее внимание процессуалистов, изучавших суть и состояние принципов в уголовном процессе. Следует отметить и то обстоятельство, что приведение их точек зрения вновь возвращает нас к вопросу соотношения аксиологического и познавательного (технологического) в уголовном процессе. Вместе с тем полагаем, что такое возвращение нелишнее уже потому, что выше этот вопрос рассмотрен нами по отношению к целям уголовного процесса и его предназначению.

Заключение

Таким образом, изложенное свидетельствует, что уголовно-процессуальные принципы представляют собой абстракции, реализующие задачи уголовного процесса и находящие свою реализацию в общих условиях уголовного судопроизводства, отличающиеся отсутствием конкуренции между собой и выраженные в качестве процессуальной экономии, объективности, тайности и письменности уголовного процесса. Под общими условиями уголовного процесса мы понимаем абстрактивную совокупность правил, реализующих собой принципы уголовного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Байтин, М. И.** Сущность права: современное нормативное правопонимание на грани двух веков / М. И. Байтин. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2001. – 413 с.
2. **Карташов, В. Н.** Принципы права / В. Н. Карташов // Теория государства и права : учебник для студентов высш. уч. заведений, обуч. по спец. «Юриспруденция» ; под ред. В. К. Бабаева [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2007. – 637 с.
3. **Ронжин, В. Н.** О понятии и системе принципов социалистического права / В. Н. Ронжин // Вестник Московского университета. – 1977. – № 2. – С. 32–37.
4. **Мальцев, В. В.** Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 692 с.
5. **Безруков, С. С.** Принципы уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С. С. Безруков. – Москва, 2016. – 58 с.
6. **Марчук, В. В.** Специальные принципы квалификации преступлений / В. В. Марчук // Журнал российского права. – 2014. – № 2. – С. 79–90.

Поступила в редакцию 18.04.2024 г.

Контакты: a.darmenov@kra.gov.kz (Дарменов Акынкали Даутбаевич).

Darmenov A. D. ANALYSIS OF THE THEORY OF PRINCIPLES AND PRACTICE OF THEIR CLASSIFICATION AND SYSTEMATIZATION: CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE ASPECTS

The article considers the optimal construction of norms included in the rules of the process of regulating relations in society. It is concluded that the detailed regulation of public relations depends on determining the level of abstraction in relation to this goal. It is indicated that the principles of criminal procedure are abstractions that implement the tasks of the criminal process and find their implementation in the general conditions of criminal proceedings, characterized by the absence of competition among themselves, and expressed as procedural economy, objectivity, secrecy and writing of the criminal process.

Keywords: criminal procedural legislation, principles, classification, regulation, research, prescriptions.

УДК 343.35

СОЦИАЛЬНАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЛУЖЕБНУЮ ХАЛАТНОСТЬ

А. Ю. Рыжанков

старший преподаватель кафедры юриспруденции, аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье определены подходы к понятиям социальной и криминологической обусловленности, выделены предпосылки криминализации служебной халатности на основании историко-правового, формально-юридического, системного и статистического анализа. По результатам анализа автором обоснована позиция, что криминализация служебной халатности связана с важностью правоохраняемых ценностей, необходимостью существования общего состава неосторожных преступлений должностных лиц, высокой степенью общественной опасности рассматриваемого деяния и его значительной распространенностью и высокой латентностью.

Ключевые слова: неосторожные преступления, служебная халатность, социальная обусловленность, криминологическая обусловленность, криминализация.

Введение

В современный период развития белорусского государства его незыблемым принципом выступает защита человека, его прав и свобод, независимости и территориальной целостности страны, ее конституционного строя, обеспечение законности и правопорядка (ст.ст. 2,3 Конституции Республики Беларусь) [1]. Важным элементом системы защиты правоохраняемых ценностей выступает уголовная ответственность, играющая роль средства борьбы с наиболее тяжкими посягательствами.

Чтобы уголовный закон являлся действенным средством противодействия преступным явлениям, уголовно-правовой запрет должен быть социально и криминологически обусловлен [2, с. 13].

Целью настоящего исследования социальных и криминологических оснований является включение состава служебной халатности в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК).

Основная часть

А. Л. Савенок определил социальную обусловленность уголовного закона как «его соответствие объективным потребностям и тенденциям общественного развития, а также уровню правосознания населения» [3, с. 117]. Как отмечает А. В. Жеребченко, она состоит в наличии «общественно важных факторов или предпосылок, делающих криминализацию деяния возможным, необходимым» [4, с. 143].

Социальная обусловленность уголовной ответственности за служебную халатность связана с выделением предпосылок ее криминализации. К ним относится и значение служащих в обеспечении государственного управления, чему законодатель уделяет особое внимание уже много веков. Впервые криминализация различных проявлений халатного поведения служащих на белорусских землях произошла еще в Статутах Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), а наличие общего состав халатного

отношения к службе в системе должностных преступлений стало традиционным для отечественного законодательства с середины XIX в., с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [5, с. 149; 6, с. 40–41].

Конкретизация предпосылок социальной обусловленности, по мнению Т. М. Судаковой, позволяет отнести к ним «общественную опасность девиантного поведения, определяемую через существенный, чрезмерный вред общественным отношениям, повышенную распространенность этого поведения, способность общественного сознания воспринимать запрещенное деяние как преступление» [7]. А. С. Лебедев добавляет к этому невозможность противодействия преступности иными правовыми средствами [8].

Как справедливо отмечал Ю. И. Ляпунов, для криминализации того или иного деяния, необходимо установить и оценить, представляет ли оно существенную опасность для интересов государства, общества и личности [9, с. 4].

Служебная халатность обладает высокой степенью общественной опасности. Существенный вред может причиняться не только конкретной личности или организации, но и, как явление, обществу и государству в целом. Как отражено в Директиве № 1 от 11 марта 2004 г. «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины»: «Страна много теряет от бесхозяйственности, расхлябанности, пьянства, наркомании... вскрываются многочисленные факты несоблюдения элементарных норм охраны труда, исполнительской и трудовой дисциплины» [10]. В этом ключе институт уголовной ответственности за должностные преступления – важное средство обеспечения эффективной деятельности всех групп служащих.

Материальный ущерб, причиняемый служебной халатностью белорусской экономике, достигает больших размеров. В справке Генеральной прокуратуры Республики Беларусь о результатах обобщения следственной и судебной практики по уголовным делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–429 УК) и состоянии прокурорского надзора по уголовным делам указанной категории от 5 августа 2019 г. отражено, что только за 2017–2018 гг. ущерб государственным предприятиям по фактам служебной халатности составил 486 207 белорусских рублей [11].

По нашему мнению, оценить действительные масштабы нанесенного вреда белорусской экономике достаточно проблематично. Сложение сумм причиненного вреда государственному имуществу по делам о служебной халатности не будет отражать реального вреда экономике, поскольку кроме прямого реального ущерба существуют материальные последствия, часто не включаемые в ущерб, например, затраты на проведение восстановительных, контрольно-надзорных мероприятий и т. д. Значительная латентность таких преступлений и отсутствие наказуемости причинения вреда государственному имуществу по ч. 1 ст. 428 УК [12] также затрудняют возможность оценки действительных размеров вреда от фактов служебной халатности.

Все это ведет к распространению небрежного и недобросовестного отношения служащих таких организаций к их обязанностям, угрожает стабильности предпринимательской и хозяйственной деятельности, а также порождает условия для возникновения аварий, техногенных катастроф или иных чрезвычайных происшествий [13, с. 3].

При криминализации деяния и расширении сферы действия уголовно-правовых норм важно учитывать общественное согласие с ними. По мнению А. Л. Савенка, «механизм перевода общественных интересов в уголовный закон осуществляется на основе результатов изучения общественного мнения и мнения экспертов по вопросам уголовно-правового регулирования, а также анализа функционирующих социальных (в том числе и юридических) норм и их правовой оценки на предмет их криминализации» [1, с. 117]. Большинство опрошенных нами сотрудников судебных, надзорных и правоохранительных органов Могилевской, Минской и Витебской области в 2019–2023 гг. выразили согласие, что уголовная ответственность за преступления против

интересов службы должна способствовать защите всех форм собственности (59% респондентов).

Однако общественная опасность служебной халатности не сводится только к ущербу государственного имущества. Не меньше случаев наступления в результате халатного поведения должностных лиц смерти граждан, причинения им тяжких телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий. Результаты проведенного нами анализа судебной практики по делам о служебной халатности, отраженным в Банке данных судебных постановлений Верховного Суда Республики Беларусь за 2020–2023 гг., свидетельствуют о том, что в 57% случаев наступили общественно-опасные последствия в виде смерти человека или причинения тяжких телесных повреждений.

Сама тяжесть последствий служебной халатности свидетельствует об общественной опасности, свойственной именно преступлениям, и справедливо требует соответствующей реакции со стороны государства. Перефразируя Т. Н. Тертыченко, в связи с причинением в результате служебной халатности тяжкого вреда не только правам и интересам отдельных граждан или субъектов хозяйствования, но и угрозы интересам экономической и общественной безопасности государства, необходимость защиты правоохраняемых общественных отношений преобладает над государственным принуждением в виде мер уголовно-правового воздействия в отношении лица, совершившего противоправные действия [14].

Как подчеркивает А. Л. Савенок, важнейшей частью социальной обусловленности уголовного закона является изучение зависимости его содержания от количественных и качественных показателей преступности, т. е. выявление криминологической обусловленности [1, с. 117, 124].

Так, к основаниям криминализации общественно опасного деяния в научной литературе часто относят его достаточную распространенность [15, с. 149].

Количество зарегистрированных случаев служебной халатности в последние годы, свидетельствует о тенденции систематического роста и падения их числа, при сохранении приблизительно одного уровня: в 2008 г. выявлено 41 преступление, в 2009 г. – 67, в 2010 г. – 69, в 2011 г. – 34, в 2012 г. – 22, в 2013 г. – 39, в 2014 г. – 46, в 2015 г. – 37, в 2016 г. – 39, в 2017 г. – 47, в 2018 г. – 35, в 2019 г. – 27, в 2020 г. – 30, в 2021 г. – 34, в 2022 г. – 42, в 2023 г. – 30, согласно статистическим данным, представленным Верховным Судом Республики Беларусь по нашему запросу. Как видно из представленной статистики, количество ежегодно возбуждаемых дел о служебной халатности существенно сократилось после внесения в УК изменений Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности», когда из ч. 1 ст. 428 УК была устранена наказуемость причинения существенного вреда в результате служебной халатности. А после этого количество фактов служебной халатности изменялось незначительно, свидетельствуя о периодическом росте и падении.

При этом число лиц, осужденных за служебную халатность в Республике Беларусь, незначительно в общей массе лиц, осужденных за преступления против интересов службы, и существенно меньше числа выявленных случаев служебной халатности: в 2008 г. осуждено 27 должностных лиц, в 2009 г. – 16, в 2010 г. – 17, в 2011 г. – 9, в 2012 г. – 9, в 2013 г. – 39, в 2014 г. – 16, в 2015 г. – 11, в 2016 г. – 6, в 2017 г. – 13, в 2018 г. – 7, в 2019 г. – 16, в 2020 г. – 12, в 2021 г. – 8, в 2022 г. – 14, в 2023 г. – 10, согласно статистическим данным, представленным Верховным Судом Республики Беларусь по нашему запросу.

Однако официальная статистика о применяемости ст. 428 УК не отражает фактическую распространенность случаев служебной халатности. И. А. Минакова, исследу-

довавшая криминологические аспекты служебной халатности в РФ, делает вывод о ее высокой латентности [16, с. 161]. К такому же выводу пришел В. А. Кочерга, указывающий, что в государстве выявляются и получают правовую оценку, прежде всего, те факты халатного поведения должностного лица, которые повлекли гибель людей, причинение вреда здоровью большому количеству потерпевших, крупные разрушения и т. д. Многие случаи служебной халатности скрываются среди дисциплинарных проступков, стихийных бедствий и т. п. [17, с. 20]. Полагаем, высоколатентными будут являться факты служебной халатности, сопряженные с наступлением иных тяжких последствий, которые прямо не определены в уголовном законе и при которых у правоприменителя могут возникать сомнения в наличии состава преступления. Например, в случае служебной халатности, повлекшей длительную дезорганизацию работы транспорта или производственного процесса, либо работы учреждения, предприятия или организации, особенно частной формы собственности.

В связи с социальной опасностью явления и его достаточной распространенностью встает вопрос о возможности противодействия служебной халатности правовыми средствами.

По нашему мнению, нормы трудового, административного и гражданского законодательства не позволят эффективно противодействовать проявлениям служебной халатности, в связи с ее высокой общественной опасностью. Так, нормы административно-деликтного права не предусматривают правонарушений, связанных с наступлением смерти, тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, или ущерба в особо крупном размере. Соответственно и меры административной ответственности изначально не являются соразмерными и способными обеспечить восстановление социальной справедливости в отношении виновного в причинении вреда охраняемым общественным отношениям.

Кроме того, криминализация служебной халатности является необходимым для соблюдения логики уголовного закона. Состав служебной халатности в уголовном законе является общим по отношению к остальным составам неосторожных преступлений, сопряженных с нарушением правил и требований по службе. С этой ролью состава служебной халатности согласны и 64% опрошенных сотрудников судебных, надзорных и правоохранительных органов Могилевской, Минской и Витебской области в 2019–2023 гг. Это подтверждают и результаты историко-правового, системного и сравнительно-правового анализа [18, с. 155].

Значение состава служебной халатности заключается в охвате всех форм преступного поведения, которые не могут быть охвачены специальными составами, и декриминализация служебной халатности будет означать оставление широкого круга общественных отношений без уголовно-правовой охраны. В научной литературе подчеркивается, что «как бы ни было совершенно законодательство, оно не в состоянии учесть все многообразие общественных отношений, которые требуют правового регулирования» [19, с. 4].

Заключение

Криминализация служебной халатности в Республики Беларусь имеет свою социальную и криминологическую обусловленность.

Социальная обоснованность криминализации служебной халатности связана с наличием следующих предпосылок:

– важностью охраняемых прав и интересов личности, интересов общества и государства, которые нуждаются в комплексном подходе к их защите уголовно-правовыми средствами, а также вниманием государства к качеству выполнения служащими своих обязанностей и необходимостью обеспечения служебной дисциплины;

– требованием наличия общего состава неосторожных преступлений должностных лиц для обеспечения защиты всего многообразия общественных отношений;

– высокой степенью общественной опасности деяния, проявляющейся в последствиях этого преступления, отграничивающих служебную халатность от дисциплинарных проступков и административных правонарушений.

Криминологическая обусловленность служебной халатности обоснована значительной распространенностью этого преступления по отношению к иным неосторожным преступлениям, связанным с нарушениями требований по службе, а также ее высокой латентностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

2. Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов : в 5 т. / редкол.: Н. Ф. Кузнецовой (глав. ред.) [и др.]. – М. : Зерцало-М, 2005. – Т. 1: Учение о преступлении. – 624 с.

3. **Савенок, А. Л.** Теоретические и прикладные проблемы эффективности уголовного закона: дис. ...д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. Л. Савенок. – Минск, 2017. – 339 л.

4. **Жеребченко, А. В.** Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства / А. В. Жеребченко // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 2. – С. 143–150.

5. **Рыжанков, А. Ю.** Истоки установления ответственности за халатность на землях Беларуси в XI–XVI вв. / А. Ю. Рыжанков // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. Д, Эканоміка, сацыялогія, права. – 2019. – № 2 (54). – С. 141–151.

6. **Рыжанков, А. Ю.** Преступность и наказуемость халатности по службе в отечественном законодательстве середины XIX – начала XX века / А. Ю. Рыжанков // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – № 3 (53). – С. 37–42.

7. **Судакова, Т. М.** Социальная обусловленность и некоторые правовые проблемы противодействия преступному обороту новых видов наркотиков [Электронный ресурс] / Т. М. Судакова // Электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-obuslovlennost-i-nekotorye-pravovye-problemy-protivodeystviya-prestupnomu-oborotu-novyh-vidov-narkotikov>. – Дата доступа: 15.04.2024.

8. **Лебедев, А. С.** Социальная обусловленность криминализации подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства [Электронный ресурс] / А. С. Лебедев // Электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-obuslovlennost-kriminalizatsii-poddelki-ili-unichtozheniya-identifikatsionnogo-nomera-transportnogo-sredstva>. – Дата доступа: 15.04.2024.

9. **Ляпунов, Ю. И.** Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права / Ю. И. Ляпунов. – М. : Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – 119 с.

10. О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 11 март. 2004 г., № 1 : в ред. Директивы Президента Респ. Беларусь от 12.03.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

11. Справка о результатах обобщения следственной и судебной практики по уголовным делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–429 УК) и состоянии прокурорского надзора по уголовным делам указанной категории от 5 августа 2019 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

12. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275–3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

13. **Мелихов, С. Ю.** Проблемы криминализации общей управленческой халатности в коммерческих и иных организациях : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. Ю. Мелихов ; Томский гос. университет. – Томск, 2012. – 22 с.

14. **Тертыченко, Т. Н.** Социальная обусловленность криминализации легализации доходов, полученных преступным путем [Электронный ресурс] / Т. Н. Тертыченко // Электронная библио-

тека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-obuslovlennost-kriminalizatsii-legalizatsii-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem>– Дата доступа: 15.04.2024.

15. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 303 с.

16. **Минакова, И. Г.** Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. Г. Минакова. – Ростов-на-Дону, 2008. – 205 с.

17. **Кочерга, В. А.** Халатность: содержательные, компаративистские, правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Кочерга. – Краснодар, 2017. – 204 с.

18. **Рыжанков, А. Ю.** Историко-правовой, системный и формально-юридический анализ субъективной стороны служебной халатности / А. Ю. Рыжанков // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, Сер. Соц., эконом. и общест. науки. – 2022. – № 5 (134). – С. 153–158.

19. **Кругликов, Л. Л.** О пробелах и аналогии в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Ю. Климова // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: сб. науч. ст. – Ярославль : Яросл. го. ун-т, 2000. – С. 3–17.

Поступила в редакцию 4.05.2024 г.

Контакты: ryzhankov@msu.by (Рыжанков Арнольд Юрьевич).

***Ryzhankou A. Yu.* SOCIAL AND CRIMINOLOGICAL CONDITIONS OF CRIMINAL LIABILITY FOR OFFICIAL NEGLIGENCE**

The article defines approaches to the concepts of social and criminological conditionality, highlights the criminalization of official negligence on the basis of historical-legal, formal-legal, systemic and statistical analysis. Considering the results of the analysis, the author substantiates the position that the criminalization of official negligence is associated with the importance of legally protected values, the need for the existence of a general composition of careless crimes by officials, a high degree of public danger of the act in question and its significant prevalence and high latency.

Keywords: careless crimes, official negligence, social conditioning, criminological conditioning, criminalization, penalization.

УДК 342.951:339.543(476)(043.3)+339.543:340(476)(043.3)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СТАТУСА ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ж. А. Луцевич

магистр юридических наук, аспирант 4 года обучения

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Данная статья раскрывает особенности деятельности таможенных органов в Республике Беларусь, специфические черты правовой регламентации их деятельности, проводится анализ структуры таможенных органов, рассматриваются перспективы совершенствования административно-правовой и организационной деятельности таможенных органов Республики Беларусь. Автором предлагается принятие ряда нормативных правовых актов, а также внесение изменений в существующие акты с целью оптимизации деятельности таможенных органов, построения логической системы таможенных органов.

Ключевые слова: таможня, таможенные органы, правовое регулирование, таможенный пост.

Введение

Развитие государственного управления в таможенной сфере обусловлено постоянной динамикой таможенных правоотношений. Республика Беларусь постоянно развивает свои внешние связи, что оказывает влияние как на состояние национальной экономики, авторитет на международной арене, так и непосредственно на органы государственного управления в таможенной сфере всех уровней.

Одним из показателей уровня государственного управления таможенной сферой является качество таможенного законодательства и оперативность его реагирования на изменения, проявляющиеся в таможенных правоотношениях.

Совершенствование государственного управления в области таможенного дела требует пересмотра действующей правовой регламентации понятия таможенных органов, их системы, а также функциональных направлений деятельности.

Основная часть

Таможенная служба Республики Беларусь играет огромную роль в формировании новых рыночных отношений, защите экономического суверенитета и экономической безопасности, активизации связей белорусской экономики с мировым хозяйством, обеспечение защиты прав граждан, субъектов хозяйствования и соблюдения ими обязанностей в области таможенного дела [1, с. 245].

Таможенную деятельность в Республике Беларусь осуществляют таможенные органы Республики Беларусь, которые представлены двухуровневой системой: Государственный таможенный комитет и таможни.

До принятия новой редакции Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании» 19.07.2021 года определение «таможня» в белорусском законодательстве фактически отсутствовало.

Ранее в Типовом положении о таможне Республики Беларусь (утверждено Приказом Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 25.08.1999 г. № 378-ОД, утратило силу) в п. 1.1 было отражено, что таможня Республики Беларусь входит в единую систему таможенных органов Республики Беларусь, осуществляет

возложенные на нее задачи и функции в пределах закрепленной за ней зоны деятельности [2].

Таможенный кодекс Республики Беларусь № 204-З от 4.01.2007 г., Таможенный кодекс Таможенного Союза и Таможенный кодекс ЕАЭС не содержат определения понятия «таможня» [3; 4; 5]. В Положении о Государственном таможенном комитете Республики Беларусь также ничего не сказано о понятии «таможня» [6].

В соответствии с абз. 3 ч. 4 ст. 8 предыдущей редакции Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» таможни – государственные органы, являющиеся юридическими лицами и действующие на основании положений, утверждаемых Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь [7].

В ныне действующей редакции указанного выше Закона закреплено: «Таможни – государственные органы, являющиеся юридическими лицами и территориальными органами таможенной службы, выполняющими возложенные на них задачи и функции в пределах закрепленного за ними региона деятельности, и действующие на основании положений, утверждаемых Государственным таможенным комитетом» [8, ч. 4 ст. 235].

Интересен опыт определения понятия «таможня» в законодательстве Российской Федерации. В действующем Федеральном законе от 27.11.2010 г. № 311-ФЗ (ред. от 28.12.2016 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» отсутствует определение таможни [9], однако в Общем положении о таможне (Приложение № 2 к приказу ФТС России от 4 сентября 2014 г. № 1700) указано, что таможня является таможенным органом, входящим в единую федеральную централизованную систему таможенных органов Российской Федерации и обеспечивающим реализацию задач и функций ФТС России в регионе деятельности таможни в пределах компетенции, определенной настоящим положением [10].

Фактически, определение таможни в белорусском и российском законодательстве имеет очень много общих черт. Однако в силу особенностей территориального устройства Российской Федерации использование термина «регион» представляется корректным, но для Республики Беларусь представляется спорным использование его в определении понятия таможни. Более того, что подразумевается под ним далее в нормативном правовом акте законодателем не определено. А также спорным существующее определение таможни представляется в связи с существованием Оперативной таможни, юрисдикция которой определяется не регионом, а спецификой возлагаемых функций.

В свете изложенного считаем целесообразным изменение действующего понятия таможни и изложение абз. 3 ч. 4 ст. 235 Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» в следующей редакции:

«Таможня – это государственный орган, являющийся юридическим лицом, входящим в единую систему таможенных органов Республики Беларусь и обеспечивающим реализацию возложенных на нее функций и задач в пределах закрепленной территории и/или сферы деятельности и компетенции, определенной положением, разработанным на основе Типового положения о таможне и утверждаемым Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь».

Таможни Республики Беларусь действуют на основании утверждаемых Государственным таможенным комитетом положений о них. Типовое положение о таможне Республики Беларусь утратило силу в связи с принятием Постановления Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 30.12.2008 г. № 114 «О признании утратившим силу приказа Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 25 августа 1999 г. № 378-ОД» [11]. В соответствии с данным Постановлением Типовое положение утратило силу на основании Положения о Государственном таможенном комитете Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 21 апреля 2008 г. № 228 «О некоторых вопросах таможенных органов» [6].

Однако, необходимо отметить, что в данном Указе не утверждено Типовое положение о таможене. Более того, Типовое положение о таможене не утверждено никакими другими актами, размещенными на сайте Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь. Таким образом, деятельность таможен как одного из основных звеньев системы таможенных органов в правовой регламентации крайне ограничена. Если правовому статусу Государственного таможенного комитета Республики Беларусь помимо Закона «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» посвящено Положение о нем, то правовое регулирование деятельности таможен ограничивается только несколькими статьями Закона «О таможенном регулировании в Республике Беларусь». В связи с чем в целях конкретизации работы, четкого определения функциональных полномочий, основных прав и обязанностей, считаем необходимым разработку и принятие Типового положения о таможене, где должны быть отражены общие положения о таможене, ее задачи и компетенция, организация и направления деятельности.

Необходимо отметить, что подобные типовые положения разработаны и используются в странах-членах ЕАЭС. Например, в Российской Федерации действует Общее положение о таможене (утв. Приказом Федеральной таможенной службы от 20 сентября 2021 г. № 798 «Об утверждении Общего положения о таможене», в ред. Приказа Федеральной таможенной службы от 21.11.2022 № 939), а Республике Казахстан принято Типовое положение о таможенных Департаментов таможенного контроля Комитета таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан (утв. приказом Председателя Комитета таможенного контроля Министра финансов Республики Казахстан от 27 июля 2011 года № 522) [12; 13].

По нашему мнению, Типовое положение о таможене должно включать в себя следующие структурные элементы:

1. Общие положения, где определялись бы понятие таможни, виды таможен, подчиненные низшие звенья (таможенные посты и центры электронного декларирования).
2. Полномочия, где определялись бы функции таможен, права, обязанности, сначала общего характера для всех таможен, далее отдельными пунктами для приграничных, внутренних, специализированных таможен.
3. Организация деятельности, где определялись бы организация, контроль, координация деятельности таможен, вопросы управления и штата, примерная структура таможни, полномочия начальника и т. д.

Исходя из структурных подразделений приграничных таможен, можно выделить две группы структурных подразделений, характерные для всех приграничных таможен и характерные для отдельных приграничных таможен.

В настоящее время к характерным для всех приграничных таможен подразделениям относятся следующие: отдел тарифного и нетарифного регулирования, отдел анализа и управления рисками, отдел проведения операций таможенного контроля, отдел организации таможенного контроля, юридический отдел, оперативно-дежурный отдел, отдел анализа и контроля таможенных процедур, отдел таможенной стоимости и посттаможенного контроля, отдел таможенных расследований, отдел информационной безопасности и автоматизации таможенных операций, отдел собственной безопасности, административно-хозяйственный отдел, отдел по борьбе с контрабандой, отдел бухгалтерского учета и контроля, отдел таможенных платежей, отдел организационно-распорядительных документов.

Рассмотрим структурное построение внутренних таможен и специализированной таможни в Республике Беларусь. К внутренним таможням в Республике Беларусь можно отнести Минскую региональную таможню и Минскую центральную таможню, к специализированным – Оперативную. Каждая из таможен имеет свой набор структурных подразделений, которые обеспечивают выполнение функций соответствующей таможни в соответствии со спецификой ее назначения.

Стоит отметить, что основные структурные подразделения внутренних и специализированной таможни в Республике Беларусь дублируются с приграничными таможнями. По нашему мнению, можно выделить два типа структурных подразделений в таможнях – общие (характерные для всех таможен независимо от ее вида) и специализированные (отражающие направления деятельности таможни).

Считаем возможным унифицировать подход к структуре таможен в части единообразия к названию структурных подразделений. Также считаем возможным закрепление этой шаблонной (примерной) структуры таможни в предлагаемом выше Типовом положении о таможне, которое в последующем каждая таможня сможет адаптировать под себя, исходя из особенностей: штата должностных лиц, запросов деятельности, приоритетности отдельных направлений работы. Унифицированная структура таможни может быть представлена следующими структурными подразделениями: отдел тарифного и нетарифного регулирования, отдел анализа и управления рисками, оперативно-поисковый отдел, отдел проведения операций таможенного контроля, отдел технических средств таможенного контроля, связи и вычислительной техники, отдел организации таможенного контроля, юридический отдел, отдел транспортного обслуживания, оперативно-дежурный отдел, отдел анализа и контроля таможенных процедур, отдел таможенной стоимости и посттаможенного контроля, отдел таможенных расследований, отдел взыскания таможенной задолженности, отдел информационной безопасности и автоматизации таможенных операций, отдел собственной безопасности, отдел развития таможенной инфраструктуры, административно-хозяйственный отдел, отдел кадров и профессиональной подготовки, отдел идеологической работы, отдел кинологической службы, подразделение по защите государственных секретов, отдел по борьбе с контрабандой, отдел бухгалтерского учета и контроля, отдел таможенных платежей, отдел организационно-распорядительных документов.

Заключение

Считаем целесообразным изменение действующего понятия таможни и изложение абз. 3 ч. 4 ст. 235 Закона Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» в следующей редакции:

«Таможня – это государственный орган, являющийся юридическим лицом, входящий в единую систему таможенных органов Республики Беларусь и обеспечивающий реализацию возложенных на нее функций и задач в пределах закрепленной территории и/или сферы деятельности и компетенции, определенной положением, разработанным на основе Типового положения о таможне и утверждаемым Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь».

В целях конкретизации работы, четкого определения функциональных полномочий, основных прав и обязанностей, совершенствования процесса управления Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь оперативно-служебной деятельностью таможен считаем необходимым разработку и принятие Типового положения о таможне, где должны быть отражены общие положения о таможне, ее задачи и компетенция, организация и направления деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Родевич, П. П.* Совершенствование системы таможенных органов в Республике Беларусь / П. П. Родевич // Беларусь в современном мире : материалы VII Междунар. науч. конф., посвящ. 87-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2008 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Тесей, 2008. – С. 245–246.

2. Типовое положение о таможне Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Приказ Государственного таможенного комитета Респ. Беларусь, 25 августа 1999 г., № 378-ОД (утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

3. Таможенный кодекс Республики Беларусь 204-3 от 4.01.2007 г. [Электронный ресурс] : с изм. и доп. : текст по состоянию на 15 июля 2009 г. № 43-3 (утратил силу) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 22.01.2014. – 2/2127 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

4. Таможенный кодекс Таможенного Союза [Электронный ресурс] : Приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств, 27 ноября 2009 г., №17 : в ред. Протокола от 16 апреля 2010 г. // Сайт Евразийской экономической комиссии. – Режим доступа: <http://www.tsouz.ru/Docs/Kodeks3/Pages/default.aspx>. – Дата доступа: 01.03.2024 г.

5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, 11 апреля 2017 г., г. Москва // Сайт Альта-Софт – Режим доступа: <https://www.alt.ru/codex-2017/>. – Дата доступа: 29.02.2024 г.

6. О некоторых вопросах таможенных органов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 апреля 2008 г., № 228 : с изм. и доп. от 20 января 2017 г. № 20 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

7. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 января 2014 г., № 129-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

8. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-3 : в ред. Закона Республики Беларусь от 19.07.2021 № 121-3 // Пех / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

9. О таможенном регулировании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 27.11.2010 г. № 311-ФЗ : с изм. и доп. от 28.12.2016 г. № 510-ФЗ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

10. Общее положение о таможене [Электронный ресурс] : Приложение № 2 к приказу ФТС России, 4 сентября 2014 г., № 1700 «Об утверждении общего положения о региональном таможенном управлении и общего положения о таможене» // Сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=15572&Itemid=2236. – Дата доступа: 01.03.2024 г.

11. О признании утратившим силу приказа Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 25 августа 1999 г. № 378-ОД [Электронный ресурс] : Постановление Государственного таможенного комитета Респ. Беларусь, 30.12.2008, № 114 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

12. Типовое положение о таможах Департаментов таможенного контроля Комитета таможенного контроля Министерства финансов Республики Казахстан [Электронный ресурс] : утв. приказом Председателя Комитета таможенного контроля Министра финансов Республики Казахстан от 27 июля 2011 года № 522 / Информационные системы «Параграф» // Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31219904&pos=6;-108#pos=6;-108. – Дата доступа: 29.01.2024.

13. Об утверждении Общего положения о таможене [Электронный ресурс] : Приказ Федеральной таможенной службы от 20 сентября 2021 г. N 798 : в ред. Приказа Федеральной таможенной службы от 21.11.2022 N 939 / Альта-Софт // Режим доступа: <https://www.alt.ru/tamdoc/21pr0798/>. – Дата доступа: 29.01.2024.

Поступила в редакцию 8.04.2024 г.

Контакты: zajhonok@ya.ru (Луцевич Жанна Александровна).

Lutsevich Zh. A. PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF THE CUSTOMS STATUS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article reveals the specifics of the activities of customs authorities in the Republic of Belarus, the characteristic features of the legal regulation of their activities, analyzes the structure of customs authorities, and examines the prospects for improving the administrative, legal and organizational activities of customs authorities of the Republic of Belarus. The author proposes the adoption of a number of regulatory legal acts, as well as amendments to the existing acts in order to optimize the activities of customs authorities and build a logical system of customs authorities.

Keywords: customs, customs authorities, legal regulation, customs post.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанавы

Тэхнічны рэдактар *А. Р. Роскач*
Камп'ютарны набор і вёрстка *С. А. Кірыльчык*
Карэктар *І. Г. Каржова*

Падпісана да друку 08.2024 г.
Фармат 70x108¹/₁₆. Папера афсетная. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 7,3. Ул.-выд. арк. 8,3. Тыраж 40 экз. Заказ № 4396.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў